

МИХАИЛ
КАПЕЛЬКИН

СЕРГЕЙ
КАРЕЛИН

- КНИГА 3 -

ИЗ ЗОЛОТА

В СВИНЕЦ

Сергей Карелин

Из золота в свинец 3

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Из золота в свинец 3 / С. В. Карелин — «Автор», «Автор», 2026

Вы слышали про Философский камень? Я им дорожки в саду посыпал. Был лучшим алхимиком, но последним зельем превратил своё тело в оружие против Порчи, грозившей уничтожить всё живое. По воле богов или случая я не погиб при этом, а оказался в теле лаборанта-неудачника, в мире, где алхимия под запретом, коллеги выродились в шарлатанов, повсюду Порча, а бал правят фармацевтические компании, которых больше волнует прибыль, чем жизни людей. Но теперь я здесь, при мне знания и навыки Верховного Магистра Алхимии. А это значит, что я вновь буду заниматься любимым делом и покажу, что алхимик – это не профессия. Это образ жизни.

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Капелькин

Из золота в свинец 3

Глава 1

Эх, Марина... Не ожидал я, что ты так низко падешь.

Хлебникова стояла и смотрела вслед стражам закона в синей униформе. Они быстро приближались, но на несколько секунд задержались у турникетов, потому что народ все шел и шел на работу, не пропуская их. Несколько спасительных секунд.

— Исаев, беги, пока не поздно, — снова перехватила меня Наташа и начала мягко толкать в сторону выхода. — Пока есть время, покинь город, спрячься... спрячься у Капустина!

Если бы я хотел сбежать... Но я даже не думал это делать.

— Нет смысла убегать., — Яя отвел глаза от полицейских, которые, словно гончие, взяли след. — Если они нашли меня на работе, то найдут дома. А всю жизнь провести у Капустина я не хочу. Сказал же, у меня полно работы. И вообще, кто сказал, что они хотят меня арестовать? Может, просто поговорить?

Лицо секретарши исказила жалость, с которой смотрят на глупого ребенка, упорно повторяющего одну и ту же элементарную ошибку.

Что ж, Наташа, мы просто живем с тобой в разных мирах.

— Путь беглеца — не мой путь, — сказал ей и пошел навстречу полицейским. Они как раз прорвались через турникеты.

— Максим Исаев? — спросил первый.

Он был чуть крупнее второго, с большим носом и широкой щелью между передними зубами.

— Да, это я, — ответил, глядя за их спины.

Там стояла Хлебникова, хмурилась, смотрела, как меня... арестовывают? Или все-таки нет?

— Максим Исаев, вы обвиняетесь в покушении на убийство, — громко произнес полицейский помоложе. Выплюнул слова, словно василиск ядовитую слюну.

Его голос гулким эхом разнесся по холлу здания «Воронов Фармацевтика». На миг повисла тишина, потому что люди перестали идти и удивленно оборачивались в нашу сторону.

Ну спасибо, блин. Как будто специально он это сделал.

— Пройдемте.

На плечо легла рука крупного стража, сильно надавила.

Значит, все-таки арест. Ладно, посмотрим, что вы мне там приготовили.

— И на кого же я совершил покушение? — задал скорее риторический вопрос, скинув с плеча руку полицейского.

— Сам должен знать, — зло буркнул второй. — Мы тебе не справочная. Сам пойдешь или помочь?

— Я уже понял, что от местных стражей закона лучше ждать проблем, чем помощи, — фыркнул и повернулся к ним спиной, подставляя руки.

Меня схватили под локти и защелкнули на запястьях холодные наручники. Повели к выходу под тревожным взглядом Наташи.

— Не бойся, — сказал ей, — я там надолго не задержусь.

Только сперва выясню, кому обязан такому аресту. Что за человек не испугался арестовать сотрудника «Воронов Фармацевтика» на глазах у всей компании? Что-то мне подсказы-

вало, что недавняя шпана в подворотне все-таки не имеет к этому отношения. Уж больно мелко они плавают для таких дел.

Ну что, полицейское отделение? Я иду! Один раз уже смог сбежать и не оставить следов. В этот раз будет посложнее, но я своего добьюсь.

Как только дверь кабинета закрылась за парочкой полицейских, граф Воронов снял трубку телефона и набрал номер. Не любил он мобильные с их справочниками. Считал, что современная техника слишком облегчила жизнь людей, и они больше не тренируют память, запоминая важные номера телефонов. Не понимают, идиоты, что если лишить их этого цифрового помощника, то вмиг окажутся беспомощными. Не вспомнят телефон адвоката, не успеют предупредить близких о беде, да даже не сумеют поднять свои связи без куска пластика в руке.

Граф направил полицейских к рабочему месту Исаева, за которым они пришли. Но он знал, что Исаева там еще нет. Поэтому успел послать Наташу перехватить лаборанта и сообщить о полиции, чтобы тот сбежал и тем самым выиграл время для Воронова решить этот вопрос.

К сожалению, у полицейских были все необходимые бумаги для ареста. Подписанные самим генералом Казанцевым, его другом и должником.

После нескольких гудков ответил безрадостный голос:

— Здравствуй, Миша. Я ждал твоего звонка.

— Как это понимать? — отбросив приветствия и расшаркивания, выплюнул Михаил Александрович, выдавая свое крайнее возбуждение. — Хорошо, на ордере твоя подпись, это я могу понять. Но вот так, посреди бела дня, прямо в моих владениях... — пальцы, барабанившие по столу, сжались в кулак. — Это хамство, Игорь. Ты же знаешь, что всегда можешь просто позвонить мне, и мы решим любую проблему лично, без ненужной бюрократии. Особенно, если это мой сотрудник. Я жду объяснений. И надеюсь, они меня удовлетворят.

— Послушай, Миша, я не хотел этого делать. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Но на меня надавили сверху. И не просто сверху, а из самой Канцелярии. Я не дурак — знаю, что у тебя есть на меня такой компромат, который похоронит мою карьеру. Но Канцелярия, Миш... Если они захотят, то похоронят уже меня. Пойми...

— Кто? — прервал его стенания Воронов и непроизвольно сжал челюсти.

— Я не уверен. Свой человек в Канцелярии говорит, что местное начальство кто-то крепко взял за яйца. И этот кто-то Воронов. Но если это не ты, Миша...

Граф не дослушал и положил трубку. Другой Воронов? Их всего два. Первый — его отец. Но он находится в Москве и руководит делами фирмы совсем на другом уровне: международные сделки, открытие новых филиалов в разных концах Империи... Ему нет дела до таких мелочей.

Михаил Александрович развернулся на кресле и подошел к окну. Там, внизу, Исаева уже сажали в полицейскую машину.

«Так и знал, что он даже не попытается сбежать... — вздохнул граф. — Придется вытаскивать».

Его Светлость вытащил из кармана мобильный телефон и нашел в справочнике номер, который запоминать не хотел. Нажал кнопку вызова.

— Привет, Миша! — раздался в трубке слащавый голос его новоявленного младшего брата. — А я все ждал, когда ты мне позвонишь...

— Я не знаю, на кого конкретно из Канцелярии ты накопил компромат, Давид, но не стоит размениваться такими связями на мелочи, — назидательно произнес граф.

— Мелочи? — хохотнули на другом конце. — Не такие уж мелочи, раз ты сразу позвонил мне... «братец».

Стражи оказались молчаливыми, словно големы. Просто выполняли приказ хозяина. Молча и тщательно. Все мои вопросы были проигнорированы, а через полчаса меня доставили в одно из центральных отделений города. Было оно заметно крупнее того, в котором я побывал. Целый комплекс зданий, обнесенных бетонным забором с колючей проволокой. В центре — большое семиэтажное, но меня повели в другое, поменьше и более захудалое. Желтые стены облупились пятнами отвалившейся штукатурки.

Впихнули внутрь, обшарили, забрали все мало-мальски ценные вещи. Я внутренне поблагодарил самого себя, что не взял с собой атманит. Да и большую часть мебели мы с Романом уже перенесли в новую квартиру. О ней мало кто знает, так что вряд ли ищейки найдут что-то ценное в нашей старой квартире.

Интересно, Роман уже знает о том, что я здесь? Надеюсь, нет. Не хочется мне выслушивать новую лекцию о том, что подставляю его. В конце концов, я здесь оказался не по своей воле.

После тщательного осмотра меня посадили в одну из камер. Народу здесь было не в пример больше, чем в прошлый раз. Дюжина человек, вместе со мной — тринадцать. Камера временного содержания, потому что здесь не было кроватей — только скамейки, стоявшие в несколько рядов и вдоль стен. Хотя бы не битком. А так камера могла вместить с полсотни человек.

Запах потных тел, табака и сивушных паров мигом окунули меня в воспоминания почти трехсотлетней давности. На заре своей карьеры алхимика экспериментировал с разными составами, и вдруг, по чьей-то наводке, меня взяли стражи закона. Оказалось, что часть веществ находилась в тот момент под запретом. И все мои заверения в том, что я начинающий алхимик, никак не помогли. Целый год провел в настоящей тюрьме, куда более мрачной, чем эта, пока шли разбирательства. В конце концов с меня сняли все обвинения и выпустили, но тот год многому научил. Например: когда просят передать соль, тебя просят вовсе не об этом.

Постояльцы этого «пятизвездочного отеля» были разными. Нашлись и громилы, и, как бы это сказать помягче, слабаки. То есть обычные, забитые люди.

— Эй, козлы, а ну, выпустите меня отсюда! — проорал накачанный парень в пожелтевшей от пота майке вслед полицейским. — Давайте! Раз на раз со мной! Любого из вас уделаю, ссыкливые твари!

М-да, и с таким сбродом работает Роман? Не позавидуешь. Зато нервы, хочешь не хочешь, а закаляются.

Я сел на свободное место. Не слишком удаленное от остальных, но и не слишком близкое. В первую очередь для того, чтобы ограничить контакты с другими сидельцами, но при этом не показаться высокомерным выскочкой. Хотелось подумать, и лишние конфликты мне были не нужны.

Да, вряд ли причиной моего ареста стала шпана, напавшая на Лизу.

На миг вспомнил вкус ее горячих губ, но быстро отогнал это воспоминание.

Значит, дело в чем-то другом. Кто мог осмелиться послать полицейских за мной в офис корпорации, принадлежащей одной из самых могущественных семей города? А может, и всей Империи. Сомневаюсь, что это инициатива местного главы стражей. Опыт мне подсказывал, что на таком уровне у Воронова куча своих связей. Их просто не может не быть.

Если бы все-таки дело было в той шпане — допустим, каким-то образом они вычислили меня... Не знаю, предположим, тот, кто их покрывает, обладает Реликтом провидца или какой-нибудь разновидности телепата. То меня все равно доставили бы в обычное отделение.

А не в одно из центральных.

Нет, тут замешан кто-то куда крупнее. Но кто крупнее Вороновых? И зачем я им понадобился? Да... Задача. И эти двое полицейских тоже ничего не сказали. Смог за всю поездку от них добиться только:

— Это приказ начальства!

Вот и весь сказ.

— Хорошие ботинки... — раздался голос над моей головой.

Вынырнул из мыслей и увидел перед собой ноги в джинсах, на них торс в той самой пожелтевшей майке. Потом взглянул на свои ботинки. Вроде обычные самые. Но рядом с ними стояли кроссовки на несколько размеров больше.

— Что? — рефлекторно переспросил, поднимая голову.

Надо мной нависал тот шумный парень, который вызывал стражей на бой. С груди на шею заползли татуировки. Сколько он ростом? Метра два?

— Я сказал, что мне нравятся такие ботинки, — свирепея, повторил он. — Я хочу их. Понятно?

— Так они на пару размеров меньше, чем тебе надо!

— Эй... Я сам решу, какой размер мне носить. Ты еще не понял? Поясню для тупых: я хочу, чтобы ты снял их и отдал мне! — Под конец фразы парень аж покраснел, а жилы на шее натянулись. — А потом я хочу забрать всю твою одежду...

Точно! Чуть не забыл. Тут как с солью. Меня просят сейчас не ботинки снять.

Был бы у меня с собой несессер с зельями... Например, Elixir Humanoidis Sedationis, зелье для успокоения гуманоидов. Двойной концентрации. Но его нет, так что придется справляться по старинке.

— Ах да, конечно! Сейчас! — улыбнулся я громиле, а он в ответ ощерился, показав плохие зубы.

Большой парень. Физически сильнее меня (пока что я еще недостаточно увеличил плотность мышечных волокон, чтобы соревноваться с такими акселератами), но больше и неповоротливее. Честной драки не планируется.

Я схватился за край скамьи, быстро согнул ноги и тут же распрямил их, спружинив всем телом, метя в колено. Бить по коленям вообще очень эффективно.

Удар вышел что надо. Колено подогнулось, и забияка взвыл от боли, падая на пол. Я тут же вскочил и добавил ему ботинком по лицу. Потом еще раз и еще, приговаривая:

— Как тебе мои ботинки? Нравятся?

Не из жестокости. Просто порядки во всех тюрьмах всех миров примерно одинаковые. Тебя бояться, пока ты силен и жесток.

Добавил еще несколько раз по ребрам, а затем пинками заставил обувного фетишиста отползти от меня. Остальные сидельцы тоже отшатнулись, отсаживаясь подальше. Кроме пары тех, что были покрупнее. Один оценивающе глядел на меня, второй качал головой, глядя на своего неудачливого собрата.

Побитый, припадая на одну ногу, кинулся к решетке и заорал:

— Начальник! Эй, начальник! Мне нужен врач! Срочно!

В коридоре послышались недовольные голоса и быстрые шаги тяжелых ботинок. Пришли двое полицейских с дубинками — злые, что их оторвали по пустяку.

— Чего тебе? — грубо спросил один и окинул парня взглядом. — Нарвался все-таки? Ну, сейчас вызовем тебе врача... Только он придет, когда раз на раз выйдет со всеми своими пациентами! А ты заткнись пока! — Надзиратель врезал дубинкой по пальцам забияки, и тот опять взвыл от боли. — Еще раз тебя услышу, дубинку эту по самые гланды запихну!

Сурово...

Полицейские тут же ушли, а парень забился в угол рядом с умывальником и зло уставился на меня, размазывая по лицу кровавые сопли. Долго пытался выиграть дуэль взглядов, пока наконец не потупил голову, признавая свое поражение. Он, а не я, естественно.

Несколько минут меня еще потряхивало от адреналина, а в ушах стучала кровь. Я успокоил себя медленным и размеренным дыханием. Хотел продолжить размышлять, но ко мне

вдруг подсел один из слабаков этой камеры — забитый мужичок в пиджаке и очках в толстой оправе. Такому дай портфель, и он сойдет за владельца небольшой фирмы или казначея в какой-нибудь лавке.

— Простите, — произнес он трясущимися губами, — вы здесь уже не в первый раз, верно? Только прошу вас, не обижайтесь! Я не имею цели оскорбить вас, но вы ведете себя, как человек, который оказался в такой ситуации не впервые...

По его затравленному взгляду понял, зачем он подошел.

— Сколько дали? — сразу спросил я.

— Пять лет.

— За что?

— Финансовые махинации в особо крупном размере. Только это не я, а мой начальник. Я просто бухгалтер, но он просил взять все на себя, а он поможет с хорошим адвокатом...

— И ты взял?

— Ну... да, — потупился мужик.

Явно осознал, что сделал ошибку, но пути назад у него уже не было.

— И хочешь, чтобы я дал тебе совет, как пережить эти пять лет?

— Да! Именно! — обрадовался мужик.

Я смерил его взглядом с головы до ног. Невысокий, фигура рыхлая, руки нежные, не привыкшие к физическому труду. Казначей... В тюрьме ему придется несладко. Я могу его обнадежить, сказать, что пять лет пролетят незаметно или что-то в этом роде, но это будет ложью. Иллюзией, которая разобьется в первый же день. Лучше рассказать все как есть. Так у него будет время смириться с этой судьбой.

— Вариантов у тебя немного, — проговорил я, вспоминая свой небольшой, но богатый опыт. — Либо стать чьей-то подстилкой, либо прибиться к группировке по цвету кожи или расе, если такие есть. — Тут я вспомнил, как лютовали гномы в той тюрьме. С орками устраивали настолько кровавые драки, что из них не все живыми выходили. — Один ты не выживешь.

— Но... по-почему ты... вы так считаете?

— Серьезно? Ты сомневаешься в моих словах? — Я нарочито снова смерил его взглядом.

Он снова понурил голову и согласился:

— Пожалуй, вы правы... Одному мне конец.

— Идеальный вариант — стать полезным. И не надзирателям, а тем, с кем ты сидишь. Подумай, какими навыками располагаешь, и сумей их правильно предложить. А иначе... ты снова подстилка.

— К-как? — заикаясь от перевозбуждения, спросил казначей. — Как мне не стать подстилкой?

— Очень просто... Однажды какой-нибудь бугай, вроде того, — я показал рукой на поверженного врага, — попросит тебя передать соль. Не передавай ее ни в коем случае.

— Но... почему? Это же просто соль!

— Нет, это проверка на хребет, — покачал я головой. — Всегда начинается с малого. Сначала соль, потом ботинки, и вот ты уже...

— Подстилка, я понял. Что тогда делать?

— Ну, например, взять соль и сказать: «А может тебе ее в глаза насыпать, чтобы ты ослеп нахрен?» Смысл в том, чтобы показать, что у тебя есть хребет, и ты можешь взять его и закинуть врагу в глотку.

Бухгалтер побледнел и шумно сглотнул. Нет, такой не справится. Будет юлить и избегать до тех пор, пока не прижмут к стенке. Да и то может в такой ситуации сломаться и... подстилка, в общем. Жаль, но у мужика, скорее всего, незавидная судьба.

— Главное... — Я хотел закончить последнюю мысль, но меня прервали.

В коридоре по ту сторону решетки вновь раздались шаги, но на этот раз не торопливые, а размеренные, будто исполненные внутреннего достоинства. Они даже звучали иначе, словно говоря, что их источник — особо дорогая обувь. Каждые несколько шагов перемежались утонченным стуком.

«Трость», — догадался я.

В поле зрения показался молодой парень в сопровождении двух надзирателей и еще одного немолодого мужчины, пониже него ростом. Парень был смуглым, загорелым блондином в дорогом костюме насыщенного цвета баклажан, в ботинках из кожи какой-то местной рептилии, немного небритый, словно после бессонной ночи. В руке он держал трость с набалдашником из большого драгоценного камня. Тот переливался всеми цветами радуги. Навскидку я даже не смог определить, что это за камень.

Возможно, артефакт?

Полицейские открыли камеру, и пижон вошел внутрь. Громила, которому я дал по колену, вдруг поднялся. Он успел привести себя в порядок за это время, умылся, но на майке остались кровавые разводы.

Что он задумал? Решил реабилитироваться? Совсем из ума выжил? От парня же буквально несет ощущением, что он не так прост.

— Что? Привели мне новое мясо в качестве извинений? — хрипло хохотнул громила, приближаясь и почти не прихрамывая при этом.

Двое других крупных сидельцев уже держались от придурка подальше. Один покачал головой, второй шлепнул ладонью по лбу.

— Хороший костюмчик! Мне нравится! — необучаемый придурок положил ладонь на плечо парня.

Тот поморщился, словно очень большая и тупая птица обделала его плечо.

Дальше все произошло практически мгновенно. Набалдашник трости взмыл в воздух и ударил парня в висок. Ноги его сразу подкосились, а хлыщ в костюме тут же подскочил и бросился с особой жестокостью бить жертву по голове ногами. Полицейские было дернулись выполнять свою работу по защите даже таких придуркошных граждан Империи, но тот мужчина, который пришел с хлыщом, удержал их, положив на плечи свои руки.

— Никто... не смеет... портить... мой костюм! — приговаривал парень с тростью.

— Главное, не делай, как он, — закончил я свою мысль для собеседника, показывая на жертву.

Бухгалтер снова шумно сглотнул и словно съежился, уменьшившись в размерах раза в два.

А хлыщ, закончив, вдруг впился в меня темными, почти черными, глазами.

— Репутация... — сказал он, вытирая платком набалдашник трости. — Вы подпортили мне репутацию, господин Исаев.

— Чего? Ты вообще кто? — в свою очередь чрезвычайно вежливо поинтересовался я.

Глава 2

Надо сказать, что атмосфера в камере и до этого момента не была слишком комфортной, а после произошедшего и вовсе многим захотелось ее покинуть. Но на выходе стояли двое полицейских во главе с человеком, который ими по какой-то причине руководил. И это только на самом выходе. А до него надо было еще дойти: перешагнуть массивное тело с лицом, превращенным в кашу, и миновать юного блондина, сделавшего это.

Поэтому почти все обитатели камеры забились по углам, чтобы оказаться подальше от этого парня. Даже бухгалтер, заметив, что все внимание этого садиста обращено на меня, свалил на пару скамеек назад.

Парню на вид было лет двадцать, но я бы даже дал восемнадцать. Возраст прибавляла легкая пижонская щетина на лице. Он был весьма смазлив: тонкий прямой нос, темные глаза, почти белые волосы, острый подбородок, ямочки на щеках и родинка рядом с левой из них. Тонкие губы гнулись в презрительной усмешке.

Но я правда не знал его. Поэтому не понимал, о какой подпорченной репутации идет речь и почему его все так боятся. Хотя нет, последнее я понимал: он только что человека до кровавых пузырей избил. К счастью, раз тот их пускал, значит, жив. Но был еще один вопрос. Почему полицейские его не тронули и молча смотрели? Еще и подчинялись спутнику этого хлыща.

На мой вопрос парень так и не ответил, просто продолжал на меня пялиться со смесью удивления и презрения на лице. Так смотрят на дождевого червя, который тебя обматерил, когда ты на него чуть не наступил.

— Ладно... — протянул я, кивая своим мыслям. — Похоже, ты важный хрен. А эти трое с тобой — твои яйчишки. Ведь у каждого важного хрена они должны быть.

— Эй, следи за базаром, болван! — рыпнулся один из полицейских.

Ну да, ну да, очень вовремя. Где ж ты раньше был, болезный? Когда вон того парня на полу в фарш превращали? Теперь ему действительно нужен врач.

Страж закона моментально умерил свою прыть, стоило спутнику блондина кинуть на него короткий взгляд. Впрочем, как и в прошлый раз.

— Не стоит так со мной разговаривать, — миролюбиво, даже почти нежно сказал парень. — Еще одна такая выходка, и тебя, Максим Исаев, постигнет та же судьба.

Он сел на скамью напротив меня, кивнув в сторону тела. Вдруг оно издало стон боли, и парень резко изменился в лице. Красивые, даже изысканные черты смуглого лица исказила злоба. Он вскочил и пнул по ногам жертву, завопив:

— Заткнись и не перебивай меня! Или твоя жалкая жизнь здесь и закончится, мразь!

Не будь я собой, меня бы дрожь пробрала от этого крика. Вместо этого вокруг груди словно начали стягивать толстую веревку. Гроздь гнева пока еще не застревала в глотке, но уже поднимались из желудка.

Не нравился мне этот парень. Не люблю беспричинную жестокость. Даже по отношению к своему противнику.

И я не терплю подобное отношение к себе.

— Можешь попробовать... хрен, — выплюнул я ему в лицо, когда он сел обратно.

Наклонив голову вперед, хлыщ мрачно улыбнулся. Я почувствовал идущую от него угрозу. Он снова резко поднялся, трость свистнула в воздухе, беря замах, и обрушилась на мою голову. Я успел среагировать за миг до атаки: не вставая, выставил ладонь на траектории трости и перехватил ее. От хлесткого удара руку обожгло огнем, но мой висок был спасен. Дернув на себя, вырвал оружие из руки парня.

Вдруг увесистый камень набалдашника засиял красным огнем. Рефлекторно взгляделся в него с помощью дара.

Атманит! Но молчаливый. На сияющем узоре увидел ближе к центру темное пятно. Ясно... его заставили замолчать.

Узор разгорелся еще сильнее, и вот тогда мою руку действительно обожгло! Вскрикнув, отбросил трость, а парень довольно засмеялся.

— Так вот ты какой, Максим Исаев, — произнес он. — Что ж, рад познакомиться, Воронов. Давид Воронов.

Он протянул руку, но я не пожал. Воронов, значит? Однофамилец или все-таки брат главы филиала? Наверно, второе. Но это не повод относиться к нему с уважением, которого он не заслужил.

— Не могу ответить тем же, — сказал я.

— Ладно! Главное, теперь я знаю, кто отделал моих людей в моем же заведении.

Я все еще не очень понимал, о чем он. Видимо, это из-за него меня арестовали и предъявили обвинение в покушении на убийство. Но пока я не мог вспомнить, когда и на чью жизнь я покушался.

— Видишь ли, Исаев, — тем временем говорил он; поднял трость и сел обратно, оперев подбородок на набалдашник, мягко улыбнулся. — В моем деле очень важна репутация, а ты напал на моих людей в моем же заведении, бросил тень на них и на мою репутацию. По городу уже поползли слухи, что в моем заведении девушки пропадают! А я ведь только открыл бар на теплоходе... И ты все испортил. Ты первый, кто осмелился бросить мне вызов, и первый, кто станет уроком для всех остальных.

Так вот оно что! Картина наконец-то проясняется. Я вспомнил вечер в ресторане на пришвартованном теплоходе, когда двое парней попытались подсыпать снотворное Алисе в коктейль, а я им помешал. Значит, это были люди Давида. И он не мог не знать, чем они занимаются. Хороший бар, нечего сказать.

— Смотри, чтобы ты сам не стал уроком, — ответил ему, едва сдерживая гнев.

— Хм, а ведь мы могли бы с тобой отлично сработаться, Исаев. Таких твердых людей мне всегда не хватает. Но я уже вижу, что наши отношения обречены на провал... — Он вздохнул и обиженно скривился. — Все из-за этого налета благородства, который никаким средством не отмыть. От тебя им буквально несет. Мне безмерно жаль, но придется сгноить тебя в тюрьме. Прощай, Исаев. — Он демонстративно зевнул. — Искренне надеюсь, что ты выберешься из этой передраги, но сделаю все, чтобы не смог. Даже мой братец тебе не поможет, поверь.

У этого парня явно не все дома. Пришел сюда, чтобы покрасоваться? Или надеялся, что я упаду ему в ноги, моля оставить меня в покое? Похоже, у него не удалось ни то, ни другое — я ему все подпортил. Поэтому у него такое недовольное лицо.

Посмотрим, какое оно у него будет, когда я все же выберусь отсюда.

— Уходим, Матвей. — Воронов с горестным вздохом встал, подошел к телу и легонько ткнул его концом трости. — Кажется, ему нужен врач.

После этого вышел из камеры и ушел вместе со своим молчаливым прихвостнем.

Вот значит как. Еще один Воронов. И этот, в отличие от своего брата, точит на меня зуб за то, что я спас свою подругу. Интересно... Я вдруг вспомнил слова Романа после того случая — что в городе стали чаще пропадать девушки. Похоже, семейка Вороновых одним своим членом замешана в этом?

М-да, угодил я между молотом и наковальней: между Вороновым и Вороновым. Старший из братьев явно не в курсе дел младшего, раз, по словам Наташи, все утро кому-то звонил. Значит, молот с наковальней будут бороться друг с другом из-за меня? Посмотрим, кто расколется сам, а кого расколю уже я.

Пока думал обо всем этом, руки сами ощупали стонущего парня. Тяжелый набалдашник трости Давида Воронова сломал ему несколько костей, но жить бедолага будет. А урок этот на всю жизнь запомнит. С первого раза, когда наехал на меня, не усвоил, а вот со второго...

Вскоре полицейские вернулись с носилками, водрузили на них тело и унесли. Остались только капли крови на бетоне, но и о них скоро все забыли.

Время тянулось медленно, часов нигде не наблюдалось, а вещи все у меня забрали. Поэтому не знаю, сколько прошло времени, когда появился новый посетитель. Мужчина лет сорока с зализанными назад каштановыми волосами в сером костюме тройке, вытянутым вперед лицом и злым, пронзительным взглядом зеленых глаз под аккуратными очками. Его сопровождали двое стражей, но уже других. Те, видимо, сменились.

— Исаев, на выход, — позвали меня.

Затем нас с тем мужчиной проводили в небольшую комнату этажом выше. Из мебели там был обшарпанный белый стол и два стула. Мой спутник заговорил только тогда, когда нас оставили одних.

— Итак, господин Исаев... — Он сел за стол и, водрузив на него кожаный чемодан, выложил на стол артефакт, похожий на улитку на подставке. Тот едва заметно завибрировал. — Теперь мы можем говорить свободно — нас никто не сможет подслушать благодаря этой прекрасной вещичке. Меня зовут Ланцов Иннокентий Никанорович, я ваш адвокат. Меня нанял граф Воронов и авансом оплатил полное ведение вашего дела.

— Какая щедрость... — хмыкнул я. — Интересно, почему?

Нет, мне правда было интересно! Ладно, Давида я еще мог понять, но сам граф, то есть старший брат Давида вот так заступает за простого лаборанта? Что-то здесь нечисто. Ни за что не поверю, что я ему просто как человек понравился.

— Этой информацией я, к сожалению, не обладаю, — ответил адвокат. — Я здесь, чтобы ввести вас в курс дела и по возможности вытащить отсюда. Сразу скажу, что вам несказанно повезло, Максим Максимович.

Я оглядел маленькую комнату, глухие стены с облупившейся зеленой краской, старый светильник над головой — проржавленный и с бледными лампами.

— И в чем же? — удивился в ответ.

— В том, — взглянул из-за очков-полумесяцев Ланцов, — что я лучший адвокат в этом городе. — Он выложил передо мной несколько фотографий. — Вы знаете этих людей?

На меня смотрели лица пятерых мужчин. Знал я не всех.

— Эти двое пытались отравить мою подругу в баре, подсыпав ей что-то в коктейль, а остальных вижу впервые.

Ланцов кивнул, убирая фотографии.

— Что ж, один из двоих, так называемых, отравителей, написал на вас заявление... — говорил он, а у меня щека дернулась от его «так называемых». Но я списал это на его профессиональную деформацию. — Остальные проходят, как свидетели. А теперь я попрошу вас рассказать вашу версию событий в тот злополучный вечер. Вы ведь ее хорошо помните?

Адвокат сложил руки в замок перед собой и выжидающе взглянул на меня. Я восстановил в памяти те события и рассказал, что произошло, максимально подробно.

— Мое слово, против их слова... — закончил я.

— Не совсем так... — парировал адвокат и вытащил плоскую доску из чемодана. Это оказался планшет. Как телефон с сенсорным экраном, только большой. — К материалам делам приложена вот эта запись с видеокамер.

Ланцов включил экран и запустил видео. На нем было видно, как Алиса заказывает коктейль, затем один парень лапает ее за задницу, а потом в кадре появляюсь я и налетаю на второго, который просто стоял рядом. А затем еще и опоил его чем-то. И выглядит это совсем не так, как я описал.

— Выглядит так, что вы первым напали на ничего не подозревающего человека, гражданина... — адвокат заглянул в документы, — Петрова.

— Но все было так, как я сказал! — ударил кулаком по столу, чувствуя себя загнанным в угол. — Он подсыпал Алисе что-то в коктейль...

— Монофелин, — кивнул адвокат, отложив планшет и выложив на стол листок с анализом напитка. — Сильнодействующее снотворное. Но важно не это. Кто угодно мог подсыпать его в коктейль госпожи Селезневой. Важно, сможет ли она подтвердить ваши слова. Она видела, как ей что-то подсыпали в коктейль? Видела, что это сделал именно Петров? Хотя бы видела, что это были не вы?

Иннокентий просто засыпал меня вопросами. И с каждым новым я слышал, как проворачивается ключ в замке моей будущей камеры. И отнюдь не для того, чтобы ее открыть.

Нет, панике поддаваться я не собираюсь. Ланцов прав. Точно такие же вопросы мне зададут и в суде, а я, как и сейчас, не смогу ответить утвердительно. У этих парней все было предусмотрено даже на случай неудачи. И только сам этот Петров сможет подтвердить мои слова...

Так, стоп! Кажется, у меня только что появилась идея...

— Почему вы улыбаетесь, господин Исаев? — недоумевал адвокат, шебурша многочисленными бумагами. — Видеозапись нападения — веская улика. В случае если вас признают виновным, вам грозит до десяти лет лишения свободы. Хорошо, что вещество в коктейле — обычная химия, а не алхимический состав, иначе вам грозила бы смертная казнь. На время судебных тяжб вас разместят в одной из камер местного СИЗО...

Он еще что-то говорил, пытаюсь до меня достучаться, но я уже не слушал. Год-другой... Нет, у меня столько времени нет. Хотя, с другой стороны, если этот Давид Воронов не врал, то меня там каждый день будут пытаться убить или еще что похуже, так что время за увлекательными попытками выжить пролетит незаметно.

Но у меня его все равно столько нет. Тюрьма поставит крест на всех моих начинаниях.

Ладно, есть у меня одна идея...

— Я должен выйти отсюда, господин Ланцов, — спокойно сказал я. — Прямо сегодня.

— Но я же еще не все перспективы вам рассказал, — удивился адвокат. — Мы можем побарахтаться, поискать еще свидетелей... Например, тех, которых нет в кадре. Заявить, что запись сфабрикована, привести своего эксперта... Работы много, и если начать прямо сегодня, то вы сможете выйти через пару лет... Условия обеспечим, посидите в камерах для аристократов...

— Нет, я должен выйти сегодня. До первого суда.

— Но... это возможно, конечно, под подписку о невыезде, но только если вы согласитесь на сделку от обвинения. А она, прямо скажем, не сильно отличается от худшего исхода. Граф Воронов заплатил мне, чтобы вас вытащить, а не упечь за решетку лет на семь.

— Тогда я согласен на сделку.

— Но...

— Разговор окончен, господин Ланцов.

Адвокат покачал головой и нервно сложил бумаги и планшет обратно в чемодан. Туда же ушел и артефакт на подставке.

— Сторона обвинения вам памятник поставит за вашу сговорчивость... — Он встал и замер у двери. — Нельзя помочь человеку, который сам того не желает. Хорошо, господин Исаев, я сделаю, как вы сказали.

К вечеру, когда я подписал все необходимые бумаги, меня выпустили. По словам Ланцова, благодаря моему согласию на сделку, прокурор (наверняка не без помощи Давида Воронова) смог продавить суд и передвинуть заседание на этот четверг. Ладно. Это не хорошо, но

и не ужасно. Главное, чтобы этот хмырь Петров был там. А уж там... Скажем так, истина восторжествует. Надо только ей совсем чуть-чуть помочь.

Дома, в полупустой квартире, меня ждали две недовольные морды. Одна принадлежала Огрызку, и я ей совсем не был удивлен, вторая — Роману.

— Смотришь на меня так, будто я предал тебя и продал в рабство... — прокомментировал выражение лица друга, входя на нашу старую кухню.

— Почти! — огрызнулся он.

Котенок прошел по столу в мою сторону и демонстративно сел ко мне спиной. Умный, зараза, и мстительный. Но покормить его все равно надо. Слушал вполуха рассказ Романа и готовил Огрызку еду: зашел по пути в магазин и пополнил запасы, так как знал, что их до вечера не хватит.

Огрызок маленький, а желудок его пока что весьма капризный. Так что только специальные корма из ветеринарной аптеки.

— Сегодня же понедельник, Макс! — рассказывал Роман. — Сам же заказывал доставку мебели в новую квартиру на сегодняшний вечер.

Я хлопнул себя по лбу ладонью и воскликнул:

— Совсем забыл!

Затем взял плошку с кошачьей едой и поставил перед Огрызком. А этот засранец ел, все так же повернувшись ко мне спиной.

Не за что, блин.

— И? Все привезли?

— Все, — буркнул Роман, — да только подъем на шестой этаж оплачивается отдельно. А моему кошельку как-то забыли об этом сообщить!

Я уставился на друга, словно впервые его увидел. Вдвоем поднять мебель нам не составило бы проблем... Но меня немного задержали дела тюремные. А когда входил в подъезд, не видел там никакой мебели!

— Они что, обратно все увезли?! — вскричал я, хватаясь за голову.

— Да нет! — поспешил успокоить меня Роман. — Выгрузили и оставили так. Но пару минут позора мне пришлось пережить, особенно если учесть, что мебель недешевая. Ладно хоть те двое соседей-забулдыг помогли занести, но в обмен на две бутылки самогона.

— Самогона?

— Ага. Видели, как мы твое оборудование перетаскивали, и решили, что ты самогон варишь.

Я горестно вздохнул. Не было печали, что называется.

Погладил котенка, который ответил ласковым шипением и утробным воем, в котором обещал мне самые страшные муки перед смертью.

Нашел кого пугать...

— Ладно, — махнул я рукой Роману, поворачиваясь к выходу с кухни. — Пошли.

— Куда? — не понял он.

— Как куда? Варить самогон, конечно же!

Глава 3

А что еще могли подумать эти соседи? Увидели, как мы поздним вечером таскаем алхимические приборы, и ничего не поняли. Заметили только змеевики, а перегонный куб приняли за бак. Вот и решили разжиться хорошим пойлом у его производителя в обмен на помощь.

Не проблема для меня, хоть я в этом и не специалист. Но принципы-то те же самые.

Минус такого решения: возможно, что эти парни теперь всегда будут ходить за выпивкой ко мне или Роману, как моему партнеру по варке самогона. Зато это просто отличная легенда для меня. Да и для Романа тоже. И выстраивается она очень логично, если подумать! Если взглянуть на происходящее глазами этих ребят, то я варю самогон и торгую им из-под полы, а страж закона Роман Копылов меня покрывает. Или, как сказал бы Григорий, крышует.

На эту картину отлично ложился и недавний конфликт из-за слежки за Романом. Когда он спустил с лестницы (ладно-ладно, он сам упал) одного из забулдыг за то, что тот показал на моего друга двум таинственным парням. То были конкуренты, прознавшие о наших делах.

Кстати, давно о них что-то не слышно. Значит, скоро снова объявятся.

А если эту легенду не поддержать, то соседи начнут задавать неудобные вопросы самим себе. Где неудобные вопросы, там и повышенное внимание. Так они могут догадаться, чем я на самом деле занимаюсь.

— Ладно-ладно! — замахал руками Роман, когда я все это ему пересказал. — Понял я, понял...

Просто он решил, что раз я и так алхимичу, то уж хотя бы с самогоном не должен связываться.

— Сахар тащи, — посоветовал ему с ухмылкой, подготавливая оборудование. — И дрожжи.

Мы уже поднялись в нашу новую квартиру. Она преобразилась просто до неузнаваемости. Свежие, приятные глазу светлые обои, паркет цвета благородного черного дерева, покрытый стойким лаком, куча новой мебели и новая кухня. Последнюю еще предстоит собрать. А также нужно еще позаботиться об уголке для алхимической лаборатории, вытяжке с системой фильтрации и других подобных моментах.

Пока же я действовал по старинке: где-то на полу, где-то на старом столе приспособливая приборы для той работы, для которой они предназначены лишь частично.

Любой алхимик умеет варить (ну или гнать, тут каждый свою терминологию использует) самогон. И делает это. Никогда не знаешь, когда тебе пригодится бутылочка чистого спирта. А в некоторых глухих местах это еще и валюта.

Начал с приготовления браги. Ее требовалось немного, всего на пару бутылок, поэтому обошелся килограммом сахара и маленькой пачкой дрожжей. Очень маленькой. Затем, чтобы не терять несколько дней на эту чепуху, добавил еще один ингредиент — пару капель целебного зелья. Благодаря ему бактерии с сахаром за пару часов разделяются. Ну и дальше по накатанной схеме: нагрев, перегонка и так далее.

Дело это не быстрое, а с моим оборудованием, предназначенным для небольших объемов зелий, тем более. Зато не требовалось постоянно бдить, и я использовал это время для своей новой цели.

Роман в соседней комнате делал зарядку по своей схеме: сто отжиманий, сто приседаний, сто на пресс и бег десять километров. Каждый день! Безумец — так и без коленей остаться можно, если не укрепить их с помощью зелий и витаминов. Кстати, надо бы приготовить подобное.

Сейчас я искал другое зелье. Для того, что задумал сделать, подходил очень ограниченный круг формул. Все их я прекрасно знал. Знал, какие нужны ингредиенты, как готовить,

как вязать узел... Но снова встала все та же проблема: я ведь в другом мире! И не все вещества существуют здесь в том же виде, что и в моем. Поэтому достал записи предков Исаева, поудобнее устроился на новеньком диване и принялся их изучать.

На пожелтевших от времени страницах располагались зарисовки растений, минералов и животных с их внутренними органами. Схематичные или подробные, в зависимости от автора. Рядом пояснения, свойства, способы приготовления и описания места, где их можно найти. Тоже разными почерками.

Время было позднее, день выдался непростым, и я хорошенько устал. Но все равно нужно время от времени приглядывать за варкой самогона, поэтому я выпил кружку крепкого растворимого кофе, чтобы отогнать усталость, сделал хорошее усилие и сосредоточился. Знания впитывал, как сухая земля — воду. Ну, не сразу, но когда мозг чуточку разошелся, процесс пошел.

Время шло, одна книга с записями из прошлых веков сменяла другую, рисунки, названия на местном языке, рецепты, — все это смешалось в калейдоскоп, который мой мозг разбирал на составляющие и раскладывал по полочкам. Внутренняя библиотека существенно расширилась, либо сдувалась пыль с тех знаний, что были у самого Исаева. Вместе с ними пробуждались и какие-то обрывочные воспоминания. В основном о детстве где-то в глубинке, о Романе, школе. Был там и какой-то старый дед, чье лицо я никак не мог увидеть. Но точно знал, что жил он где-то на отшибе.

И родители Максима Исаева. Мужчина и женщина. Мужчина был высоким статным шатеном — очень умным. Он вынужден был влачить жалкое существование, работая то тут, то там. Женщина, блондинка с изумрудными глазами, как у меня сейчас, была чудо как хороша собой. Кажется, она была медиком. Но я не мог вспомнить, где видел их последний раз. Или вообще где когда-либо видел... Помнил только, что на этом свете их больше нет.

— Роман! — позвал, не вставая с дивана.

— Да? — отозвался он из другой комнаты.

Его голос пробился сквозь шум воды и шорох душевой занавески.

Да, ванную комнату мы еще не отгородили. Поэтому Роман принимал душ после пробежки, закрывшись занавеской со всех сторон.

— А что случилось с родителями Ис... — я вовремя заметил, что начал оговариваться, забывшись, — моими?

Вдруг вода резко смолкла, и через минуту в дверном проеме показался закутанный в полотенце мокрый Роман.

— Ты так и не вспомнил? — спросил он, пряча глаза.

Я отрицательно покачал головой.

— А может, оно и к лучшему? — заискивающе взглянул он на меня. — Раз не помнишь, может, так и надо?

— А вот теперь я точно хочу это вспомнить. — Я отложил книгу и сел, впившись в друга глазами. — Говори. Все равно узнаю от тебя или кого другого.

— Ладно-ладно... Лучше от меня. — Он помолчал какое-то время, вздохнул и продолжил: — Они погибли в автокатастрофе пару месяцев назад. Ты долго не мог прийти в себя после этого, а после того случая на работе несколько недель назад, когда ты ударился головой, я решил, что это тебя твоя психика защитила. Просто ты сам не свой был. Сейчас тоже не сказать чтобы похож на старого Макса, но это я еще могу понять. А тогда... Поэтому не хотел говорить.

— Хорошо, — кивнул спокойно. — А тебе что-нибудь известно о той автокатастрофе?

Роман молча покачал головой.

— Немного. Это произошло ночью на загородной трассе. Вроде подрезал их кто-то, машину занесло и опрокинуло, потом... кхм... — Друг поежился, будто чувствуя себя виной.

ватым в том, что случилось. — Потом машина загорелась, а их заблокировало внутри... Выбраться не смогли. Виновного искали, но так и не нашли. Дело пока открыто, насколько мне известно, но подвижек по нему нет и не предвидится. Прости, что хотел это скрыть...

— На твоём месте я сделал бы так же, Роман, — сказал я и лег обратно на диван. — Благодарю за информацию.

Я снова углубился в чтение, но краем глаза видел, как друг еще какое-то время стоял в проеме, прежде чем уйти.

На какое-то время мои мысли заняла гибель родителей Исаева. Хотел бы я взглянуть на материалы этого дела: уж больно странной мне показалась их гибель. Пока не мог объяснить почему, просто чутье. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуться в колею.

К полуночи передо мной стояли две небольших бутылки с чистым как слеза самогоном. Роман взял их и унес заказчиком.

А в голове окончательно устаканился план, как выиграть суд против меня за одно заседание.

Вот только мне не хватало всего одного компонента — слизи Incantoglissus. В этом мире этого переливающегося слизняка звали Чаросклиз (я просто перевел это название на свой лад, как обычно). Судя по записям, он обитал там, где было много магии. У нас были похожие существа, только назывались они по-другому. Короче говоря, этих тварей обычно пруд пруди, потому что они питаются магическим излучением, присасываясь к Нитям, и найти их не составляет труда.

Раз в год в своей лаборатории я устраивал тотальную зачистку, потому что эти твари, если их не истреблять, могли вымахать до размеров небольшой кошки. А слизняк размером с кошку — так себе зрелище!

Но что делать, если Нитей нет?

Я взглянул на котенка, который тоже переехал сюда. Он сидел на подоконнике и вылизывался, шкрябая лапкой по наросту на голове.

Ну или почти нет. Как минимум одну я отыскал.

Ладно, есть одна идея, где можно поискать Чаросклиза. Ведь этот мир не всегда был таким безмагическим. Надо только встретиться с Григорием.

А для этого выйти на работу. Надеюсь, меня там не отстранили на время разбирательств. Узнаю уже утром.

Утром я явился на работу, как обычно, ранним утром. Охрана у турникетов проводила меня удивленными взглядами. Но пропуск вполне работал. Было бы странно, если бы его отключили так быстро. Да и не должны были, учитывая, как в это дело влез сам граф. Аж адвоката прислал.

«Лучший в городе!» — вспомнил я слова Ланцова.

В кабинете встретился с уборщицей. Рассказала мне последние сплетни. Согласно им, меня арестовали за покушение на самого графа. Все потому, что у нас с Натальей возникла интрижка, а его это не устроило. Он взревновал, пригрозил Наташе и мне увольнением, и тогда я вышел из себя и попытался его убить.

Хохотал до слез. Заверил Оксану Ивановну, что все совсем не так. Рассказал, что с Натальей у нас большая и чистая любовь, а разлучить нас пытается ее злобный брат-близнец.

— «Да ну тебя!» — махнула она на меня руками и беззвучно засмеялась.

Вскоре она закончила и ушла, но не успела за ней дверь захлопнуться, как в кабинет ворвался Григорий.

— Ну ты опять шороху навел! — громким шепотом восхитился он. — Я даже сперва не поверил, когда кореш из охраны сказал, что ты на работу пришкандыбал. Как хоть тебя

выпустили? Ты это... если вдруг тебя того... закроют, ты мне маякни, куда там тебя. Я маляву по дороге отправлю, за тебя словечко замолвлю, что фраер ровный.

— Не закроют, Григорий, успокойся, — перебил его. — Лучше скажи, знаешь поблизости места, где... хм... — Я задумался. А как спросить? Где была магия? Где заседали маги? Нет, тут надо как-то по-другому. Здесь же была магическая война. Может, за две сотни лет не все следы заросли? — Какие-нибудь заброшенные поместья, или где были склады с магическим оружием, артефактами, разрушенные во время магической войны?

— Хе-хе-хе... — погрозил он указательным пальцем. — Понял я, к чему бакланишь. Тебе бы о суде побеспокоиться, а ты все туда же... Ну да ладно, не мое это дело. Главное, меня за собой не тащи. А по местам... Были такие, да только за двести лет срисовали все уже. Но я тебя понял. Пошукаю — может, найдется пара местечек, не сильно обглоданных. И ты это, Исаев... забеги ко мне сегодня, — он выглянул проверить, нет ли кого за дверью, и пояснил: — Долю твою отдам. Так сказать, на хорошего адвоката.

Я чуть ладонью себе лоб не разбил.

— Пантелеев, ты чего, такие деньги все с собой возишь? А если тебя остановят, как ты их наличие объяснишь?! Ладно, зайду. Но в следующий раз так не делай. Лучше дома храни.

Григория я прогнал и начал готовить рабочее место. Работа никуда не делась, а за чаросклизом охотиться придется ночью.

А водитель... святая простота. Так ему недолго снова сесть по собственной глупости. Вероятность, конечно, мала, что кто-то вдруг остановит машину «Воронов Фармацевтика» и станет ее обыскивать, но пачки денег точно вызовут лишние вопросы. Разве что по наводке... А врагов у меня хватает, так что надо придумать способ передачи денег получше.

Ближе к восьми в кабинет почти одновременно пришли Бойлеров с Алисой. Иван Степанович моему присутствию не удивился, а вот Алиса проявила живейшее любопытство, расспрашивая, что произошло. Начальник вел себя сдержанно и молча слушал мой пересказ событий.

— Наташка молодец... — стукнула кулачком по ладони разгорячившаяся Селезнева. — Это ж надо, вот так прийти и среди бела дня... Перед всеми коллегами! Как будто специально... У-у-у! Была бы моя воля!

— То что? — хмыкнул Бойлеров, но без привычной своей язвительности. Скорее, как человек, который понимал желание Алисы, но так же и знал, что ничем хорошим ее вмешательство не кончится. — Погрозила бы им пальчиком?

— Не знаю... Но я бы точно не стала стоять и просто смотреть!

— Полиция действовала в рамках закона, — сказал я и повторил примерно то же, что сказал Наташе. — Разве что бегством я мог выиграть немного времени, но это ничего бы не дало... К тому же я видел запись с камер. На ней действительно все выглядит так, будто я напал первым.

— Но ведь ты спасал меня! — упиралась Алиса. — Я... я могу выступить как свидетель!

Я отмахнулся и просто задал те же вопросы, что и адвокат — мне. Реши я сражаться в суде, то ее можно было пригласить как свидетеля, но, по сути, это ничего не дало бы. Она ведь не видела, как ей что-то подсыпали, — знала только с моих слов. Так что бесполезно.

— Значит, сам Воронов оплатил адвоката? — спросил Бойлеров, скрестив на груди руки. Верхняя губа его задралась, ощерив зубы.

Все трое мы собрались около моего рабочего места. Алиса сидела за своим столом, развернувшись на табурете, а начальник стоял между нами на фоне окна, в которое било утреннее солнце.

Я не стал рассказывать им о встрече с братом графа Воронова, Давидом. По крайней мере, пока.

— Да, — ответил Бойлерову.

— Это... это здорово! — обрадовалась Алиса. — Я рада, что наш граф заботится о своих сотрудниках.

— Понимаю, что ты, Селезнева, все еще думаешь, что живешь в мире, где торжествует справедливость, а правители — добрые и заботливые, но я тебя разочарую. Если граф Воронов так заботится о нашем Исаеве, то это неспроста.

Честно говоря, я и сам об этом уже думал. Напрягал меня интерес графа к моей персоне.

— Так что не расслабляйся, Исаев, — а это уже мне сказал Иван Степанович.

— Я и не собирался.

— А я думаю, что просто... граф действительно заботится о своих людях, — поджала губы рыжая. — Если вам двоим так нравится верить в худшее в людях, то пожалуйста! Я все равно буду считать, что в глубине души каждого человека есть добро.

— Н-н-н! — прогудел, сцепив зубы, Бойлеров. — Милочка моя, люди — это сволочи, облитые сволочизмом и со сволочной начинкой внутри. И ты в этом еще не раз убедишься.

— И в вас тоже есть добро, Иван Степанович... — Алиса, хитро улыбаясь, встала и положила руку на грудь начальника. — Где-то здесь, я чувствую его...

— Р-р-р! — прорычал начальник лаборатории, бешено тараща глаза, отпрянул от Селезневой и вернулся к своему столу.

А Алиса тихонько засмеялась, пряча улыбку в кулак.

— Значит, в четверг заседание? — повернулась она ко мне. — Я приду. Буду там, даже если мое присутствие не сыграет роли.

— Как пожелаешь, — сказал я, видя, что, даже если запру ее в клетке, она замок взломает и пойдет. Это ее выбор.

Все равно заседание продлится недолго, и уже через час или два я покину зал суда. Или как в этом мире называются такие помещения?

Ну а пока меня не отстранили от работы, буду продолжать выполнять обязанности. Как только Григорий даст знать, что нашел подходящее место, либо вечером, либо сразу поедем за Чаросклизом. Повод найти не проблема. Я еще не всех клиентов объехал из списка тех, кто пользуется нашей экспериментальной продукцией.

Правда, приступить к работе все же не успел. Зазвонил телефон, и на экране высветился незнакомый номер. Я взял трубку, и тут же прозвучал голос Наташи:

— Исаев? Тебя вызывает граф Воронов. Сейчас.

Увернулся на время от одного айсберга, так теперь на меня прет другой.

Глава 4

Забавно, что Наташа даже не спросила, на месте я или нет. Вывод из этого простой и, в перспективе, полезный: у нее есть доступ к системе пропусков, и секретарь всегда видит, кто и во сколько пришел на работу.

Голос Наташи подсказал, что лучше не задерживаться, раз меня требует к себе самый главный человек в этом здании. Поэтому, когда двери лифта открылись на последнем, тридцатом этаже, я вышел и облокотился о стойку, за которой сидела голубоглазая блондинка.

— Привет, как дела? — подмигнул ей.

А на ее лице застыл испуг: глаза широко распахнуты, губы приоткрыты, лицо почти серое.

— Исаев, ты чего? Тебя САМ ждет! Ты и так по лезвию бритвы ходишь со своим отказом от адвоката... — зашептала девушка, привставая на стуле. — Ты знаешь, что сказал граф, когда узнал об этом? «Ох уж этот Исаев!» Вот что он сказал. Чтоб ты знал, это крайняя степень раздражения у Воронова. Дальше только гнев.

— Ну... звучит не так уж страшно, — пожал я плечами. — Вообще, хотел тебя поблагодарить за попытку меня предупредить. Я ценю это.

Щеки Наташи покрыл легкий румянец, но тут зазвонил телефон, и девушка отвлеклась на него. Отвечала, глядя мне прямо в глаза:

— Да... Да, господин Воронов, вот только что вошел. Конечно, господин Воронов! — Положила трубку и вышла из-за стойки, чтобы подпихнуть меня к двери графского кабинета. — Иди уже, иди! Нормальный человек просто кофе выпить бы пригласил в такой ситуации...

Ладно, один Воронов хочет меня убить в назидание другим врагам. Что ж, посмотрим, чего хочет второй... Хотя я уже догадываюсь.

Коротко постучав костяшками пальцев, нажал на изогнутую ручку двери и вошел.

В кабинете графа я оказался во второй раз. Сам Воронов стоял ко мне спиной и смотрел на город внизу в окно размером во всю стену. Вид открывался обширный, так что даже я, в двадцати метрах на другом конце кабинета, видел, как серебрится поверхность реки. Кажется, Волги. Граф держал в руке дымящуюся чашку, и по кабинету от нее разливался запах крепкого кофе.

— Проходите, Исаев, — сказал, поворачиваясь, Михаил Александрович. — Кофе? Или чего покрепче?

Я решил не подавать виду, что удивлен его вежливостью. Если не сказать услужливостью. В чем же дело?

— Кофе, ваша светлость. Перед работой не пью, — отвечал я.

Его усы выглядели сегодня неопрятно — как старая щетка для обуви. Граф подошел к небольшому столику у стены, взял в руки блестящий кофейник с длинным изящным носиком и наполнил чашку напитком. Запах кофе стал гуще и окутал ноздри. Такой напиток не в каждой кофейне нальют.

— Выбери вы что покрепче, я бы не осудил, — сказал он, протягивая мне блюдце с чашкой. — После знакомства с моим новоявленным братом я осушил целую бутылку. И это я его родственник, хоть и всего лишь по отцу. Что уж думать о вас, чужом для него человеке.

Значит, ему все известно о визите Давида и причинах моего ареста. Неужели я стану яблоком раздора между двумя братьями?

— Знакомство вышло... весьма интригующим, господин Воронов, — ответил, принимая чашку.

Сделал глоток и едва сдержал стон блаженства. Да... Кофе что надо.

Моя реакция все же не укрылась от графа.

— Я прикажу прислать вам немного этого кофе, Исаев. Скажем так, в качестве извинений за невежество моей семьи.

Он показал рукой на глухую серую стену справа от нас, словно приглашая пройти через нее. В следующий миг стена стала прозрачной, и за ней открылась еще одна комната.

— Поляризованное стекло, — пояснил граф, толкая прозрачную дверцу.

Комната разительно отличалась от почти аскетичного кабинета графа. Небольшое помещение — меньше раза в два — по периметру опоясывали витрины и шкафы с вещами явно коллекционного вида. В одном углу стоял древний доспех из пластин, рядом — стойка с четырьмя молочно-белыми изогнутыми мечами, заточенными с одной стороны, на полках блестящими натертыми боками статуэтки и кубки, покоились на штативах украшенные драгоценными камнями кинжалы, за стеклом прятались пугающего вида деревянные маски и еще много чего, такого же загадочного и дорогого.

Да тут были собраны артефакты со всех концов света! Одна комната стоила как все здание нижегородского филиала. Нехилая коллекция, в общем.

В центре находился черный журнальный стол, а по сторонам от него — два роскошных кожаных дивана. Воронов сел на один из них и приглашающе махнул рукой.

— Мое маленькое невинное увлечение, — сказал он. — Занимаюсь коллекционированием, сколько себя помню. Вон ту статуэтку, — взмах рукой на простенькую фигурку смуглого человека в шортах и с мячом, — я выменял в детстве у сына отцовского друга, барона... кажется, Зеливанского. — Граф улыбнулся и отпил кофе. — Но это неважно. Таких статуэток в мире всего три. Они были выполнены на заказ итальянским мастером Франческо Черилло для трех сыновей знаменитого полторы сотни лет назад футболиста Роберто Муальдиньо. Собственно, фигурка его и изображает. Естественно, стоят они огромных денег. А сын Зеливанского отдал ее мне в обмен на дорогую игрушку. Я даже не помню, что это была за вещь. А вот статуэтка... Он и не подозревал о ее истинной ценности.

— А вы сразу увидели ее, — сделал вид, что догадался я, хотя еще в самом начале истории уже знал, чем она кончится.

Все это: показ коллекции, кофе, избыточная вежливость графа — партия в шахматы. Так, кажется, называется местная игра на тактику и стратегию. И Воронов сейчас двигал свои фигурки.

— Талант, — пожал плечами граф. — Вот такой у меня талант — видеть истинную ценность вещи, скрытую от других. Но! — Он назидательно поднял указательный палец, и я понял, что меня ждет еще одна история. — Это умение — ничто без характера. Без последовательности. Видите стойку с мечами? Я собирал их тридцать лет по всему миру. Все они выполнены японским мастером Таканаки. Тончайшая работа. Все они на той стойке, — самодовольно покивал он и улыбнулся. — Мечам по меньшей мере пятьсот лет, они насквозь пропитаны кровью и магией старого мира, а выглядят, как новые. Последний меч мне не хотели продавать, но я умею... быть убедительным.

— Впечатляет, — без тени иронии произнес я. — Но вы ведь меня позвали не ради этих историй?

— В точку. Ценю людей дела. Видите ли, мой брат не отличается ни последовательностью, ни терпением. Строго говоря, он плод мимолетной любви моего отца и официантки на круизном лайнере, и свои самые яркие свои черты взял вовсе не от Александра Воронова. Но мой отец — человек благородный, — при этих словах Воронов едва заметно поморщился, — и своих детей не бросает. С кем бы ни зачал их. И дает шанс проявить себя и стать полноправными наследниками рода Вороновых. Если сумеют доказать родство... — Снова граф не совладал с собой и поморщился. — Давид смог. Но это все, на что его хватило, и теперь пытается всем показать, что он тоже истинный Воронов. В своей... манере. Вы просто оказались не в том месте и не в то время, Исаев.

Граф молчал, болтая в чашке остатки кофе, я ждал продолжения.

— Я осведомлен, что вы отказались от услуг моего адвоката, — снова заговорил он, — и решили пойти на сделку. Весьма опрометчивое решение, Исаев. Я не хочу, чтобы вы пострадали от рук семьи, на которую работаете. Поэтому позвольте мне просто помочь вам. Повторюсь, я человек последовательный. Что бы ни замыслил мой брат, я добьюсь своего и смогу помочь вам.

Воронов выжидающе смотрел на меня, все так же покачивая маленькую белую чашку с остатками кофе.

Знаю я, к чему он клонит. Понял это еще там, когда пришел адвокат от него. Для него позиция максимально выигрышная, как ни посмотри. С одной стороны, он, как глава филиала, изо всех сил старается помочь даже самому рядовому лаборанту в своей фирме. Стоит за своих горой, так сказать. Но человек, собравший такую коллекцию, по мелочам не распыляется. Так что, с другой стороны, он вставляет мне руку в задницу... Ой, в смысле делает меня должником, которым потом будет легко манипулировать.

Не буду врать: окажись я на его месте, сделал бы точно так же.

Да вот только в том и проблема, что я на своем месте и не собираюсь ходить в должниках у Воронова. Вообще ни у кого. И графа это явно бесит, хоть он этого и не показывает.

— Благодарю, ваша светлость, но я в состоянии справиться сам, — одним глотком я допил свой кофе. — Ваш брат думает, что я у него уже в кармане, пусть так и остается.

Я встал и развернулся к выходу. Воронов закатил глаза и тихо прошептал:

— Ох уж этот Исаев!

Затем тоже поднялся и, повысив голос, спросил:

— На что вы рассчитываете, Исаев? Я видел ваше дело, вы действительно в кармане у моего брата. Рассчитываете, истина восторжествует? Сила в правде и все прочее?

Сила в правде? Ха! Лишь отчасти... Настоящая сила в зельях и коварстве. И того и другого у меня в избытке.

— Суд покажет, — пожал я плечами и вышел, скользнув взглядом по стойке с мечами.

Зная, что это не последний раз, когда Воронов попытается меня прогнать. Он же последовательный.

После встречи с графом я некоторое время провел в размышлениях. Для меня не стало секретом, чего он хотел добиться своим разговором на самом деле. Я взбрыкнул, а мне пытались мягко указать на мое место под крылом графа Воронова. А точнее, одного из его сыновей. Того, который не от официантки, а от законной жены, видимо.

Я видел это так же ясно, как свет солнца в рыжих волосах Алисы, когда она стояла напротив окна и колдовала над центрифугой.

И все же... не отпускало ощущение, что я что-то упустил. Работая наполовину механически, в голове снова и снова прокручивал этот разговор. Что я упустил? Почему он не дает мне покоя?

После полудня позвонил Григорий и сообщил, что у него есть наводка. Но ехать далеко, в соседнюю губернию, поэтому наша поездка может затянуться до утра. Я, конечно, не забыл про подписку о невыезде. За нарушение условий наверняка посадят обратно в камеру до самого суда... Но никто не вешал на меня следящий артефакт, так что пусть сначала поймают.

Мысли о разговоре с графом я отбросил и с удовольствием окупился в дело поинтереснее. Дома приготовил все, что может пригодиться в поездке. Куда? Я еще не знал. Поэтому набрал зелий и заготовок для них, которые можно смешать по ходу дела в зависимости от ситуации. Покормил Огрызка и погладил его, пока он ел. Только два раза из трех он обшипел меня. Уже прогресс! Радовало, что он быстро креп, а болезнь, то бишь грибок, больше не распространя-

лась. Но и глаз вряд ли примет прежний вид. Не знаю, видит он им вообще что-то или нет? Или вовсе может видеть что-то совсем другое, недоступное человеку?

В шесть вечера Григорий уже ждал внизу, и мы тронулись в путь. Заехали на заправку и заполнили даже пустые запасные канистры, что водитель развесил на корпусе машины.

— На всякий случай, — пояснил он, когда мы продолжили путь, выехав с загородной заправки. А я вдруг поймал себя на мысли, что мне нравится запах топлива. — Дорога дальняя — чтобы точно хватило.

Широкая трасса, запруженная автомобилями, закончилась, сменилась дорогой более узкой. Затем и вовсе стала двухполосной, а машины на ней встречались редко, издалека освещающая свой путь фарами. Дорога петляла, словно змея, уводила нас в дебри все дальше. За окном проплывали темные громады холмов. Солнце постепенно скрылось в глубине горизонта.

— Я это место сам нашел, — хвастался по дороге Григорий. — Сначала все кумекал, как ты бакланил, про склады разные, поместья. Но все, которые я знал, точно обчистили да обглодали, как собачка косточку с голодухи. Тогда я решил... Исаев — фраер непростой. Надо кубатурировать, как он!

— Чего? — окончательно запутался я в его словечках. — Григорий, ты вообще на каком языке говоришь?

— Не бзди, пацан, атаманом будешь! — отмахнулся Пантелеев. — Короче, думать решил, как ты!

Я провел рукой по лицу, отчаянно надеясь, что это просто сонный паралич на меня такой напал. Сейчас пройдет, и Григорий снова станет собой. И перестанет говорить такие опасные вещи.

Нет, не прошло.

— Гриша, тебе же думать опасно для здоровья! Разве ты еще это не понял? — взвыл я. Но водитель был непреклонен.

— Фигня война, фраер. Вот увидишь, как приедем! Вон, уже подъезжаем, — кивком он указал вперед. Я не заметил там ничего, кроме глухого ночного леса. — В общем, подумал, а что мы ищем? Раз артефакты и поместья аристократов, значит, что-то магическое, верно?

— На удивление, да, — буркнул, всматриваясь в темное окно.

Ничего не понятно. Как Григорий выбирал дорогу? Ее же здесь просто не было!

— В общем, подумал я и нашел вот это место. Гимназия для аристократов. Раньше их много было, пока два века назад война не случилась. Там они магии учились, а сейчас в таких академиях надобность отпала, потому как учеников-то тютю! Нету, то есть...

— Учебные материалы, — уловил я его мысль. — А ведь и правда. Хорошая идея, Григорий! — Водитель так расцвел, что лысая голова морщинами покрылась, так что я его сразу осадил: — Но больше так не делай.

Вскоре мы проехали мимо двух покрытых мхом столбов. Машина ехала ровно, а это говорило о том, что под нами до сих пор сохранилась дорога. Просто ее покрыли мох, трава и мелкие кустарники. А вот деревья пробиться не смогли.

— Умели раньше дороги делать... — почти всплакнул Пантелеев.

Я догадался, что столбы раньше были воротами, а дальше шел забор, от которого за двести лет ничего не осталось. Территория поросла редкими деревьями, стволы которых загнуло в причудливые фигуры. Значит, магия здесь действительно могла быть. Остаточная.

Когда дорогу окончательно перегородили сплетенные ветви сразу нескольких деревьев, Григорий остановил машину. Свет фар пробивался сквозь препятствие и вырывал из ночной тьмы неровные пеньки стен. Гимназия за два века превратилась в руины.

— М-да... — разочарованно протянул Пантелеев. — Вряд ли мы здесь что-то найдем.

Я негромко посмеялся, поражаясь наивности Григория.

— Если все подумали, как ты, то шансы есть и неплохие, — сказал ему.

А сам припомнил, где я держал свою алхимическую лабораторию, да и другие алхимики. И где их строили в академиях. В этом мире и в моем многие вещи развивались по похожему сценарию. Просто у них магия исчезла, и многое забылось и изменилось. Но ведь когда-то она была. Как были и алхимики.

Все, кого я знал, строили свои лаборатории под землей. Так проще и безопаснее по ряду очевидных причин. Например, если будет взрыв, то неудачника завалит, зато больше никто не пострадает.

Уверен, так же поступали и здесь.

— Подземные лаборатории, Григорий. Подземные лаборатории, — произнес я с улыбкой.

Взяли из багажника сумки, фонари, несколько веревок на случай, если лестница разрушена. И прочие необходимые вещи для разбора старых завалов.

Оставили гореть фары машины как ориентир, прорвались сквозь заросли и двинулись к руинам. Чем ближе мы подходили, тем явственнее я ощущал, что здесь должна быть магия. Висело в воздухе магическое напряжение. И хотя мой дар не видел никаких Нитей, надежды я не терял.

Гимназия стояла дальше, чем нам показалось из машины. То, что я принял за руины, оказалось просто ещё одной оградой — ограждением небольшого двора какой-то постройки, от которой тоже почти ничего не осталось. Так что свет фар позади практически померк, а лучи фонариков на темной от влаги и листьев земле почти не давали света.

— Стой, слышишь? — вдруг замер Григорий.

Я прислушался, но ничего, кроме шороха ветра, мои уши не уловили. Сперва. Затем ветер принес звук, очень похожий на то, как чьи-то лапы, мягко ступая, раздвигают листья. Вскинув фонарик, мазнул лучом света вокруг нас, и в темноте зажглись десятка полтора глаз.

Григорий судорожно вздохнул и выхватил из куртки пистолет, направив его в темноту.

— Дай угадаю, у тебя только один, да? — спросил я.

Михаил Александрович Воронов проводил Исаева взглядом. Покачал головой, когда за тем закрылась дверь, сетуя на его беспечность и самоуверенность. Когда-то и он был таким же. Не мог послушаться только отца. Впрочем, и сейчас не может.

Граф хотел было вернуться к своим делам, но, проходя мимо все еще прозрачной стены, вдруг замер на месте. Постоял несколько секунд, размышляя, привиделось ли ему только что или это было на самом деле. Развернулся и посмотрел сквозь стекло.

— Не привиделось, — удивленно резюмировал он.

Дошел до своего стола, вызвал Наташу и произнес:

— Перенеси все мои встречи в первой половине дня на послеобеденное время.

— Да, господин Воронов! Что-то случилось? Мне нужно кого-то вызвать к вам? — участливо спросила секретарша.

Воронов любил ее за профессионализм. Лучше секретарши у него никогда не было. Жаль, что это ее карьерный потолок, ведь девчонка весьма способная. Но в его филиале она уже достигла максимальной высоты.

— Нет, Наташа, все хорошо. И сделай так, чтобы меня никто не беспокоил.

— Хорошо, Михаил Александрович, — произнесла девушка удивленно и разъединила связь.

Граф подошел к столику с кофейником. Но в руки взял не его, а хрустальный графин, стоявший рядом, плеснул себе солидную порцию коньяка в бокал и вернулся в комнату с кол-лекцией. Воронов сел на диван, на котором только что сидел Исаев, и сделал солидный глоток, не сводя взгляда со стойки с древними японскими мечами.

То, что он увидел, повергло графа в глубочайшее смятение.

— Первого из вас я заполучил тридцать лет назад... — задумчиво проговорил Воронов, обращаясь больше к самому себе. — Потом второго, третьего и, наконец, четвертого. Можно сказать, с тех пор я каждый день смотрю на вас. И вот что я хочу теперь спросить... А какого хрена?! Вы же всегда были белые!

На специальной стойке перед графом покоились четыре угольно-черных меч.

Глава 5

Трудно быть гением. Но еще труднее быть Григорием Пантелеевым. Я спросил этого лысого мудреца:

— Дай угадаю, у тебя только один, да? И с одной обоймой. Сколько хоть патронов?

— В-восемь, — заикаясь, ответил Григорий. — А что?

Я обвел взглядом пары светящихся глаз, окружавших нас в темноте. Фонарик толком не мог выхватить их из тьмы. Только темные силуэты, похожие на тощих двухметровых волков. Они быстро двигались, почти молниеносно отскакивали в стороны, когда круг света попадал на них. На месте оставались только причудливые кусты да опадающие сухие листья, поднятые ветром в воздух.

И что-то я сильно сомневался, что маленькие кусочки свинца могут навредить этим волкам.

— Кажется, они боятся света... — задумчиво пробормотал я.

Григорий беспорядочно водил пистолетом и фонариком по темноте, пытаясь поймать хоть одну тень в прицел. Одновременно дрожал, как заяц, и обливался потом.

Худшее, что можно сделать в такой ситуации — поддаться страху. Поэтому я не позволил склизкой холодной дряни, появившейся в районе живота Исаева, подняться выше. Осмотрелся еще раз, лихорадочно размышляя.

Стая — а эти тени действовали как один организм, что говорило о том, что у них есть вожак, как и у любой стаи, — медленно замыкала вокруг нас кольцо. Но еще был выход. Всего полсотни метров до руин, где можно попытаться спрятаться или найти место поудобнее, чтобы не биться со всеми тварями разом. Шансы отбиться даже в таком случае почти нулевые, но сейчас тем более.

Можно было воспользоваться акустическим зельем, которое я приготовил перед поездкой. От встряски, например при броске, оно громко хлопает, резко испаряясь. Возможно, отпугнет этих непрошенных гостей, но привлечет новых. А обитатели руин гимназии узнают о нас, чего я совсем не хотел.

Но если придется...

Поэтому положил руку на пистолет Григория и придавил вниз, к земле.

— Только не вздумай стрелять, — шепнул я ему. — Их десятка полтора, а у тебя восемь патронов. Ты их только разозлишь. Надо уходить и прямо сейчас!

— П-понял... Погоди! Есть идея! Ты сказал, они света боятся? Держи! — он сунул мне в руку предмет, похожий на палку из картона.

Фонариком я осветил красный цилиндр с крышкой на конце. Красный — значит, опасный. Я таким цветом всегда взрывные зелья помечал... Нет, ну эту штуку точно надо швырнуть во врагов! Надеюсь, толку от этого артефакта будет больше, чем от перцового баллончика.

Только замахнулся, как Григорий перехватил мою руку.

— Ты что, фальшфайер никогда не видел, Исаев? Просто дерни за веревку под крышкой! Вот так!

— Р-р-ра-а-ар-р-р! — раздалось утробное рычание из темноты.

— Бежим!!! — фальцетом заорал Григорий.

Затем раздался хлопок, и в его руке разгорелось яркое красное пламя. Столб густого дыма устремился вверх, а от гудения заложило уши.

Алая вспышка отбросила на землю полтора десятка тощих черных теней. Твари, покрытые свалевшейся угольно-черной шерстью, взвыли, зажмурились, и отступили, пытаясь скрыться от света.

Водитель уже бросился бежать, а вместе с ним удалялся и огонь. Я сделал с цилиндром то же самое, и руку обняло приятное тепло. Пламя разгорелось и загудело, словно метель. Ноги понесли меня следом за Григорием. Тени кинулись за нами, завывая и рыча. Огонь в руке Пантелеева впереди мигнул, на секунду скрывшись за обломком стены. Я припустил быстрее, чуя, как за пятки чуть не хватают черные мутанты. Их горячее дыхание почти обжигало мне затылок.

Шустрые, гады.

«Беги, сука, беги!» — истошно орала в моей голове Морвина.

Я взял ее с собой, и сейчас она бултыхалась в подскакивающем от бега несессере.

Наконец громкий огонь в моей руке выхватил из темноты покрытый мхом кусок кирпичной кладки. Ухватившись за него, я перемахнул через обломки, оказавшись в руинах. Под ногами, под слоем мха и грязи, прощупывалась твердая поверхность. Огонек Григория мелькал где-то впереди.

Громкий шорох и скрежет когтей вокруг напомнили, что стая не отстает. То и дело из темноты на разной высоте появлялись горящие огнем глаза. В круг света от моего фаера они ступать пока боялись. Но и пламя начало ослабевать. Я преследовал Григория, но обломки старых стен и завалы сделали это место похожим на лабиринт.

Вдруг водитель выскочил из-за поворота с огнем в руках и крикнул:

— Сюда, я что-то нашел!

— Я уж думал, ты сбежал без меня! — ответил, бросаясь следом.

Григорий привел нас к заваленной лестнице, ведущей вниз. Бросив пылающий цилиндр рядом, он разгребал завал. Куча больших камней лежала на толстой деревянной доске, перекрывшей вход.

Красное пламя его фальшфайера мигнуло и погасло, оставив только едкий дым. Значит, мой следующий, а я зажег его всего на пару секунд позже. Рычание из темноты со всех сторон подсказало, что твари только того и ждут.

— Нет времени! — выкрикнул я.

Отбросил почти бесполезный артефакт, оттолкнул Григория в сторону и схватился за доску. Зарывав от усилия, я напряг все жилы, поднимая ее. Камни заворочались, придя в движение, загрохотали, осыпаясь вниз, в дыру. Чувствуя, как мокрая и подгнившая доска выскальзывает из пальцев, в последнее мгновение я толкнул ее вперед. Появилась щель, в которую мы уже могли спокойно пролезть. Первым я впихнул туда замешкавшегося Григория, затем нырнул сам. Мы оба кувырком покатались вниз, остановившись только на площадке, как между этажами.

И как раз вовремя. Огонь за моей спиной погас, и твари, кляца зубами и мешая друг другу, попытались пролезть следом. Длинные черные морды грызли доску, массивные острые когти пробивали в ней борозды. Еще чуть-чуть и прорвутся. Григорий, лежа рядом со мной, снова вытащил пистолет и передернул затвор, собираясь дать последний бой.

Твари вдруг замерли, притихли. Та, что сейчас просунула в расширенную щель голову, ощерила зубы и принялась. Через миг ломанулась назад и исчезла, как и вся остальная стая.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Охренеть... — выдохнул Григорий, убирая оружие. — Я уже думал, нам полный аут.

— Не ободряйся, — сказал я. — Они отступили, потому что испугались. И явно не нас.

— Черт... Тогда боюсь представить, что ждет нас внизу, — шумно сглотнул Пантелеев.

— Зато с такой охраной это место точно не тронули.

— Хы-ы-ы... — довольно оскалился, блеснув зубами в темноте, Григорий. — Значит, озолотимся! Если выберемся, конечно...

Мы упали на обычную лестничную площадку, но нам безумно повезло. Пролет раньше огораживался перилами, но те давно превратились в ржавую труху. Могли упасть и дальше и точно не отделались бы синяками и ушибами.

Подобрали выпавшие фонарики и продолжили путь. Спустились еще на пару пролетов и оказались в подземелье. Над нами покоилось с полдюжины метров земли. Фонарики выхватили из темноты длинный коридор, который начинался сразу после лестницы. От него в разные стороны отходили ответвления, виднелись двери в кабинеты или комнаты. Подземелье гимназии выглядело обширным и покинутым, словно древний лабиринт. Конец коридора терялся в темноте.

— Вроде никого, — шепнул Григорий.

— Все равно будь начеку и пистолетом не размахивай, — посоветовал я ему. — И фонариком тоже, чтобы случайно не разбудить какую-нибудь древнюю тварь, хранительницу подземелья.

— Ага.

Пошли вперед, заглядывая везде. Благодаря заваленному входу и стае жутких мутантов, подземелье хорошо сохранилось. Двери, конечно, сгнили и развалились, как и большая часть мебели, по стенам бежал конденсат и рос светящийся мох, местами обвалилась кладка, перегородившая проходы, но общее состояние позволяло надеяться, что мы найдем здесь много интересного.

А еще я чувал здесь магию. Как и Морвина, которая в моих мыслях уже на нее облизывалась.

— А ты ничего... сдюжил с завалом, — шепнул Григорий, перешагивая через кучу обломков. — Взял и сдвинул, а то бы остались здесь. Я думал, ты хилый, а ты... ффраер! Откуда силища такая, пацан?

— Не бери в голову, — отмахнулся я. Зачем водителю знать, что это Elixir Muscularium так укрепил мои мышцы? В старом теле я бы эту кучу вообще играючи сдвинул. — Просто всплеск адреналина придал сил. Мы же чуть не умерли, помнишь?

— А, ну да, ну да...

Постепенно мы все сильнее углублялись в подземные катакомбы. Застоявшийся воздух пах влагой, мхом и пылью. Похоже, коридоры проходили под всей территорией гимназии, а не только под самим зданием. Размеры впечатляли, в общем. Чего здесь только не было. Пыльные архивы и библиотеки, склады, где все сгнило, дуэльные и тренировочные комнаты со ржавым холодным оружием. Как археологические предметы они могли иметь какую-то ценность, но для нас — нет.

— Эй, смотри-ка! — вдруг воскликнул водитель, показывая на светящийся радужный камень в боковом проходе. — Кажись, артефакт!

— Стой! — схватил я его за шкуру.

Через секунду потолок с грохотом обвалился, подняв тучу пыли. Но не настоящей. Она вскоре исчезла, и лучи фонариков замерли на старом обвале.

— Что за... — не понял Пантелеев.

— Ты прав, это какой-то артефакт, — пояснил я, отпуская куртку спутника из руки. Зрением алхимика видел замкнутые узлы предмета, спрятанного под толщей камней. — Видимо, наше присутствие активировало его. Он наводит иллюзии. Убить тебя это не убило бы, но шишку набил об камень. Пошли. Нам его не достать.

— Жаль... Хорошая вещица, — отступил Григорий.

Артефакт снова сработал, скрыв в облаке иллюзии завал, затем потолок снова обвалился с рокотом падающих камней.

Продолжили путь. Чем глубже заходили, тем страннее становилось. Время от времени слышался шепот, топот бегущих ног и скрип хитина. Последний производили крупные рогатые жуки — терли половинки панциря друг о друга. Они слабо светились в темноте.

По дороге сюда я рассказал Григорию, что мы ищем Чаросклизов, слизняков с перламутровой шкурой. Они питаются магией, так что в таком месте мы точно их найдем. И неплохо, если набредем на алхимическую лабораторию какого-нибудь учителя. Вдруг осталось что-нибудь полезное.

— Эй, Исаев! Ты не их ищешь? — позвал Пантелеев.

Мы осматривали комнату с полками книг. Рассчитывал, что найду что-нибудь полезное, но страницы давно истлели и превратились в пыль. Григорий показывал на что-то фонариком в углу. Среди гнилых остатков мебели ползали мелкие черные слизи. Они, как и твари снаружи, старались скорее уползти из-под яркого света.

Не успел я сказать, что это не те слизи, как Григорий быстро нагнулся и схватил одного.

— Думаю, это оно! — радостный, словно ребенок, сказал он. — Сколько нам за таких отвалят, а?

— Думать — это не твое... — повторил я фразу, которая стала уже поговоркой про Гришу.

Вдруг слизень на его ладони выгнулся, приподнялся, ощерил пасть, полную мелких зубов, и впился в ладонь Пантелеева.

— А-а-а! — закричал от ужаса мой лысый спутник.

Слизень-пиявка начал стремительно надуваться. Пантелеев тряс рукой, пытаясь его сбросить, но безрезультатно. Луч его фонарика скакал по стенам и шкафам, и я видел, как все больше черных пиявок подползает к нам.

Вот ведь идиот, а?

Я схватил Григория за руку и потащил наружу. Остановился, только когда убрались подальше от комнаты. Спутник постанывал и хныкал, с ужасом в глазах глядя на раздутую пиявку. Посадив его у стены, вытащил скальпель и аккуратно поддел толстую тварь с его ладони. С чавкающим звуком она отделилась от кожи, вытащив мелкие зубы, и я записнул ее в одну из колб. Потом изучим.

— Что-то мне нехорошо... — простонал Григорий и стал заваливаться набок.

Этого еще не хватало! Отравился, что ли?

Водитель побледнел, его глаза начали закатываться. Да у него обморок!

Сунул под нос нюхательную соль, и от резкого запаха он открыл глаза, начал розоветь. Следом ткнул в зубы склянку с противоядием почти от всех известных ядов. Так, на всякий случай.

— С-с-спасибо... — помотал головой, приходя в себя, Григорий. — Не терплю вида крови. С детства в обморок падаю, когда палец прокалывают.

Бандит и делец, который боится крови. Как ты до своих лет вообще дожил, Гриша?

— Ладно, пошли дальше, — помог я ему подняться.

Катакомбы все не кончались. Как и в пещере с гриборогом, я помечал каждый поворот и ответвление цветными флажками, чтобы легче потом найти путь обратно. Мой несессер наполнился пробами, но ничего стоящего мы все еще не нашли. Всякая мелочь, вроде светящегося мха, не в счет.

Зато усилился непонятный шепот. Он шел отовсюду, словно в воздухе парили невидимые рты и нашептывали, нашептывали... Это не было похоже на осмысленные слова. Скорее, отголоски каких-то старых заклинаний. Голоса словно вели нас куда-то.

— Ты ведь тоже их слышишь? — спросил я на всякий случай у своего спутника.

— Фух! — с облегчением выдохнул он. — А я уж думал, это у меня шиза разыгралась после той пиявки.

Ну... значит, и у меня не приступ шизофрении. Уже хорошо! Приняли решение попробовать двигаться за голосами. Если они имеют магическое происхождение, то должны привести нас к источнику. К старому еще работающему артефакту или даже к Нити.

Коридор впереди стал темнее. В луче фонарика что-то мелькнуло, и Григорий замер на месте.

— Готов поклясться, я видел коричневого карлика! — шепнул он, снова вытаскивая пистолет.

Но я заставил его убрать оружие. Один выстрел, и все карлики к нам сбегутся.

Проход ветвился, по бокам тянулись темные проемы и опустевшие комнаты. Я постоянно ощущал на себе чей-то тяжелый, недружелюбный взгляд. То с одной стороны, то с другой раздавался топот маленьких ног. Будто призраки детишек тут ожили и теперь бегали.

Не, ну это бред, конечно. Призраков не существует.

На всякий случай я постоянно оглядывался. Вдруг из-за очередного поворота прямо на Григория выскочила маленькая тварь. И правда похожая на карлика, только с длинным носом, острыми ушами и ростом мне по колено. Она будто состояла из пыли. Карлик оскалится и зашипел, а Григорий от неожиданности выкрикнул:

— А, гoblin!

И пнул карлика.

Вообще, я против того, чтобы пинать карликов, детей и пыльных гоблинов. Они же и так заведомо слабее тебя. Но этот явно замышлял что-то недоброе. К счастью, от одного пинка он рассыпался и исчез. На миг в воздухе повис светящийся шар, но и он погас и упал маленькой черной жемчужиной на кучку пыли.

— Магический фантом! — обрадовался я. — Не бойся, эти твари безвредны. Больше пугают, но вреда причинить не могут. Жаль только, что у нас нет аккумуляторов для магии, так бы собрали ее остатки.

— А ты откуда знаешь?

— Память предков, — почти не соврал в ответ. Если считать предком самого себя.

Еще несколько раз на нас выскакивали эти пыльные гоблины, но они разваливались от одного пинка. У меня сердце кровью обливалось, что не могу забрать себе старые магические сердечники. Это я про те жемчужины. Они хранили крохи магии. Похоже, это были какие-то учебные материалы, но, оставшись без хозяев, стали хозяйничать в подземелье. За два века растратили свои магические запасы, а пинки лысого водителя выводили их из состояния равновесия. Те теряли форму, пытались собраться вновь, но магии уже не хватало, и они превращались в бесполезные пустышки.

Правда, Григорий все равно собирал эти жемчужинки. Только они уже ничего не стоили. Вряд ли много денег за них выручим, но хоть места много не занимают.

Вскоре пыльные гоблины перестали нас тревожить, пугали только топотом из-за угла. А затем меня привлек голос Морвины:

— «Хозяин! Я чую магию!»

Я тоже ее почуял уже с минуту назад. Но списал на гоблинов. Однако если и Морвина заметила, то точно что-то есть.

Моргнув, включил свое зрение алхимика и увидел далеко впереди, в темноте очередного коридора тонкую зеленую нить.

— Пошли! — поманил я за собой Пантелеева.

За поворотом, где исчезала Нить, парящая в воздухе, мох светился ярче, а по стенам ползали светящиеся жуки. Мы даже выключили фонарики, настолько светло здесь было. Нить выходила из стены и исчезала за толстой, окованной позеленевшей медью дверью.

— Похоже, мы что-то нашли! — обрадовался мой спутник.

У меня самого сердце забилось чаще от предвкушения. Нить! Я нашел еще одну Нить!

Через несколько секунд мы уже стояли перед дверью. Я дернул за ручку, но дверь не подалась, крепко запечатанная. Для видимости Григорий тоже попытался ее открыть, но с тем же успехом.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул он, привалившись спиной к стене. Клок светящегося голубым мха упал ему на плечо. — Локшешная работа...

— Какая?

— Неудачная, в смысле...

— Быстро ты сдулся, Гриша.

— Чего?

— Сдался, в смысле, — усмехнулся я и присел, раскрыв несессер.

Достал завернутую в ткань атманит, развернул.

— Ого! Ну и жуткая хрень! — поморщился Пантелеев, глядя на нее. — Где достал? Я такие только на картинках видел.

— Скажи ему, что я его лицо сейчас обглодаю! — яростно заверещала Морвина.

Григорий ее, естественно, не услышал. Но своих я в обиду все равно не даю, поэтому дал ему в лоб.

— Поосторожнее в выражениях. Этот артефакт нас сейчас спасет, — сказал Григорию, подумал и добавил: — И не вздумай кому-нибудь рассказать о нем, Гриша. Не то она тебе лицо обглодает...

Обескураженный Пантелеев сглотнул и кивнул:

— Могила!

— «Ну, Морвина? Пора послужить своему Хозяину», — произнес я мысленно. — «Открой эту дверь».

— «Блин, но я же тогда без магии почти останусь! И надолго замолчу, пока не восстановлюсь».

— «Звучит весьма заманчиво!» — пошутил я, а Морвина зашипела. — «За этой дверью я найду столько магии, что тебе лет на сто хватит. Ну ладно... может, на десять, посмотрим».

— «Ладно... показывай замок».

Подойдя к двери, отыскал замочную скважину, заросшую мхом, и пальцем расковырял его. Поднес длинный конец атманита к ней, змеи зашевелились и заползли внутрь. Спустя несколько секунд раздался глухой, ржавый скрежет, и дверь под своим весом приоткрылась.

— Матушка моя прекрасная женщина... — восхищенно выдохнул Григорий, когда мы ступили внутрь. — Это что, настоящая лаборатория алхимика?

— Она самая, — сказал я.

Вот только, похоже, что слизней здесь нет.

Глава 6

Морвина после того, как открыла замок, уснула. Живая, вечно чем-то недовольная мордочка с острыми зубами замерла, словно окаменев. Теперь она выглядела просто искусной поделкой какого-то артефактора и ничем не выдавала своей исключительности.

Ничего, магия здесь есть, и вопрос с «питанием» атманита я решу. А пока приберу ее в карман.

Беспокоило другое...

Нить исчезала в недрах лаборатории, которая простояла все двести лет нетронутой. По центру большой комнаты с высоким куполом вместо потолка тянулся длинный стол. Он был очень похож на мое рабочее место и на любой другой лабораторный стол, только из камня. По виду мрамор. Вдоль круглых стен тянулись шкафы с книгами, пыльными колбами, склянками и шкатулками с ингредиентами. Слева стояла деревянная лестница на колесиках, чтобы добираться до самых высоких полок.

— Похоже, мы просто озолотимся! — с придыханием восхитился Григорий. — Эй, а это что такое?

Пантелеев пошел направо.

— Только ничего руками не трогай, — предупредил я.

В той стороне несколько метров стены были свободны от полок, и вместо них покоилась груда необработанного камня, будто нос судна пробил в этом месте стену и окаменел вместе со статуей на носу. Да, у камня было лицо. Старое, морщинистое и заросшее светящимся мхом.

— Похоже на статую какую-то... — пробормотал водитель, разглядывая лицо с фонариком.

Собственно большая часть света шла от этого мха, который толстыми бугристыми сосульками свисал с потолка.

Лаборатория производила впечатление. Капсула времени, простоявшая двести лет, предоставленная сама себе. Вот только... не было здесь Чароксклизов. Ни одного не увидел. Из живых существ тут был только мох. По крайней мере, на первый взгляд.

Воздух оказался сухой, в отличие от остальных катакомб, и не затхлый. Видимо, вентиляция работала до сих пор, еще и фильтровала поступающий воздух, потому что здесь не наблюдалось принесенной с поверхности грязи или насекомых.

Пока Григорий изучал местную достопримечательность, я пошел за Нитью. Ее конец исчезал за перегородкой каменного стола на той стороне. Спешить было некуда, поэтому шел, разглядывая по пути полки. Покрытые пылью склянки в большинстве своем были пусты, только на стенках оставался налет высохших зельев. Травы и корни истлели и рассыпались в пепел, стоило к ним прикоснуться. Книги, которых здесь было в избытке, избежали судьбы тех, что сгнили в сырых архивах. Изучить бы все, да, к сожалению, не удастся забрать с собой. Взял только несколько толстых справочников. Остальное место в несессере забивал теми ингредиентами, что уцелели. В основном порошками и мумифицированными останками животных.

Завернув за угол стола, в первый миг опешил. Просто не ожидал увидеть здесь другого алхимика. Только этот был мертв уже два века. Ветхий скелет в истлевших одеждах покоился, опираясь грудью о стол. Костлявая рука сжимала очередную пустую склянку. Нить магии исчезала внутри тела.

И да, здесь тоже слизней Incantoglissus не наблюдалось.

Ладно, зато есть магия, которую надо обследовать. Ну и арсенал алхимика. Прямо на этой стороне стола перед скелетом под толстым слоем пыли лежали его инструменты. Меня так и подмывало первым делом осмотреть тело алхимика, взглянуть, куда уходит магическая

Нить, но решил сперва все тщательно осмотреть. Простая предосторожность на тот случай, если он оставил перед смертью какую-то ловушку.

— Эй! А это кто? — с другой стороны стола появился Григорий. — Твой кореш? Хе-хе. Ладно, шучу. Там у той статуи глаза — сверкальцы, похоже. Ну, драгоценные, короче. Ты пока ищи этих... червяков, а я камушки отковыряю.

— Нет, Григорий! — строго сказал я, остановив водителя. — Ничего не трогай.

— А мне что делать тогда? Стоять смотреть? А ты мне потом за это долю урежешь. Ну? Срисовал я твой план...

— Тебе бы голову урезать, Гриша. Говорю же, думать — это не твое. Я не собираюсь урезать твою долю. Но и попадать из-за тебя в старую ловушку тоже. Так что... просто. Ничего. Не трогай. Понял?

— Ладно, ладно... — вздохнул Пантелеев. — Пойду пока полки осматрю. Может, найду еще что интересное. Присоединяйся, как со своим другом набалакаетесь.

Он отошел и встал возле одного из шкафов, осветил верхние полки и пристально в них взгляделся. А я вернулся к «корешу», как сказал водитель. Точнее, его арсеналу.

Многие вещи, конечно, изрядно состарились. Даже глубокая реставрация могла их не спасти. Например, старинная реторта проржавела, деревянная центрифуга, работающая на маленьких магических кристаллах, развалилась. Зато уцелели вещи, не подверженные влиянию времени. Обсидиановый скальпель пришелся очень кстати. Им как раз можно срезать узор с Нити. Еще несколько полезных мелочей. Страхивая с них пыль, складывал к себе в несессер.

— Слушай, а как здесь твой кореш оказался? — глухо спросил Григорий откуда-то слева. — Дверь же заперта была.

Закончив сбор полезностей, как раз занялся скелетом.

— Он сам заперся, — ответил, разжав костлявые пальцы. Пыльная склянка была пуста, только на дне остался голубоватый налет какого-то зелья. — А вот что он здесь делал...

Отставив пустой бутылек из-под зелья, увидел, что под скелетом на столе есть что-то еще. Несколько плотных, желтых от времени листков торчали наружу. Я встал за спиной мертвого алхимика и с сухим хрустом оторвал его от стола. Просто сгнившая плоть стекла на стол и склеила кости и камень, когда высохла и превратилась в прах.

Снова применив свой дар, видел, как качнулась Нить в воздухе, меняя свое положение вслед за телом.

Скелет откинулся на спинку деревянного стула, а на столе остались лежать листы бумаги. Я осторожно прикоснулся к ним пальцами, ощутил плотную и жесткую текстуру, шероховатость, свойственные пергаменту, и приподнял один листок, подцепив за кончик. Бумага не отвалилась и не рассыпалась от прикосновения. Пергамент более долговечный, а этот, думаю, даже был пропитан особым составом. По крайней мере, предки Исаева так делали, как и я в своем мире, если хотел что-то сохранить надолго.

— Если вы нашли мое тело, то я мертв, — прочитал первые слова на обороте. — Что ж, а я еще допускал вероятность, что он может быть жив...

— Ха! — отозвался Григорий. — Наблюдательный фраер. А там есть что-то, чего мы не знаем?

Я вчитался в остальной текст.

— Если вкратце, он умер, пытаясь разрешить загадку, почему умер один из его учеников-алхимиков, — сказал я.

— Ого... — подошел ко мне Григорий. — Звучит хреново.

— На занятии они готовили самое обычное зелье мгновенной памяти, — продолжил читать я. — Простейшая работа для третьего курса. Улучшает память на четверть часа, что позволяет эффективнее готовиться к экзаменам. Ученик выпил зелье собственного приготовления и погиб. Его учитель в точности повторил зелье парня, испробовал его на подопытных

животных, но никто из них не погиб. На других людях испытывать не решился, а в составе зелья не было ничего, что могло убить человека. Поэтому он решил испытать его на себе... На этом и закончился его жизненный путь.

— Короче говоря, лох повелся... — почесал голову рукояткой фонарика Григорий.

Дочитывать вывод, который сделал из своей будущей смерти алхимик, я не стал. И без того знал. Просто мертвец не знал этому названия и не обладал моим даром, не видел Порчу, текущую по магическим Нитям, и лишь предполагал существование некой вредоносной энергии. Ценой своей жизни убедился в этом и хотел, чтобы его тело нашли другие алхимики. Видимо, случилось что-то еще, почему гимназия опустела, и его тело так и не обнаружили.

Слова Григория неприятно резанули слух, и я сухо произнес:

— Не знаю, что значат твои слова, Григорий, но чувствую недоброе. Этот алхимик пытался своей смертью спасти остальных, просто не преуспел. Так что попридержи язык...

— Эй-ей, фраер, тише! — заволновался водитель и виновато отступил. — Я не хотел никого обидеть. Просто... выражение такое. Если хочешь, дай мне в оборотку, я не в обиде буду.

— Проехали, — мигом остыл я, видя на его лице искреннее раскаяние.

Склонился над телом и аккуратно распахнул нечто вроде мантии или балахона, под которым оказался когда-то хороший костюм. Пуговицы слетели со сгнивших ниток, и одежды раскрылись.

Сердце радостно ухнуло, когда я увидел, что скрывалось в грудной клетке мертвеца.

— Опа! — воскликнул Григорий. — Я уж думал, мы так-сяк, как обычно, а ты, фраер, взял и в масть попал!

Внутри грудной клетки, оплетая тонкими корешками ребра, в воздухе висел зеленый полупрозрачный бутон цветка необыкновенной красоты. Тонкие пестики, похожие на булавки, задорно торчали вверх и вместе с широкими лепестками слегка вздрагивали, когда по Нити, проходившей сквозь них, проскальзывал пучок магии.

За двести лет Нить образовала сложный узор, проникший во все части цветка. Снять его будет непростой задачей. К счастью, я как раз нашел хороший обсидиановый скальпель, что справится с этой работой.

— Григорий, — шепнул, стараясь даже дыханием не нарушить хрупкое равновесие магического цветка, — пойдешь погуляй. И не отвлекай меня.

— Понял, начальник, — отвалил водитель.

А я принялся за работу.

Сложный узел во множестве мест пересекал Нить и перекручивался с ней. Задача предстояла очень кропотливая. Надо было рассечь и распутать узлы и при этом не повредить цветок. Одна ошибка — и я ошибся. В смысле, магия покинет чудесное растение, и оно безвозвратно погибнет.

Обсидиановый скальпель для такой задачи подходит лучше всего по двум причинам: он делает самые ровные срезы и материал, то бишь обсидиан, благодаря своим свойствам способен резать прямо по Нитям. Поэтому такой инструмент хранят в специальных чехлах, чтобы ненароком не разрезать какую-нибудь силовую линию и не вызвать взрыв магической энергии.

Интересно, алхимики этого мира знали о Нитях? Могли работать с ними? Или все их рецепты — результат тысячелетних проб и ошибок? Просто современные люди, похоже, о них понятия не имеют. Или просто считают старыми байками, ведь алхимики и артефакторы вымерли.

Тут я вспомнил о Морвине. Кто-то отделил ее узор от тысячи пут и сделал это мастерски, благодаря чему она осталась жива. Ну, если состояние, когда единственное, что ты можешь, — вспоминать слова, можно назвать жизнью. Так что о Нитях тут знали. Так почему не распознали Порчу?

Еще одна загадка, которую предстоит разрешить. Когда-нибудь. А пока — работа.

Я быстро потерял счет времени, а весь мир вокруг растворился. Зрение сузилось до зеленато-золотистого, почти воздушного растения из чистой магии.

Аккуратно, корешок за корешком я отделял от ребер и костей скелета цветок, отрезая части растения, если не оставалось иного выхода. Голова гудела, в ушах появился неприятный тонкий свист. Это от напряжения: дар мне приходилось использовать на полную. Руками воздействовать на Нить я мог очень ограниченно, поэтому приходилось орудовать то острым, то тупым концом скальпеля.

Весьма выматывает. Аж лоб покрылся испариной, и пот то и дело норовил залить глаза.

Слегка дрожащий скальпель замер над последним корешком. Одно движение, и цветок упадет мне в руку, просунутую в «живот» скелета.

Последнее усилие... Я затаил дыхание, дожидаясь, когда уймется дрожь. Сердцебиение замедлялось, скальпель почти не дрожал, лишь вздрагивал в ответ на пульс.

Наконец я дождался, когда промежуток между ударами сердца станет достаточно продолжительным и...

— Исаев! — вдруг крикнул Григорий.

Рука дрогнула, и цветок с сотней корешков, похожий на странного вида губку, упал в подставленную руку. Несколько секунд я просто смотрел, ожидая, что магическое сияние иссякнет. Кажется, повезло. Я аккуратно сложил цветок в большой контейнер и положил на дно сумки.

— Исаев! — снова позвал Пантелеев. На этот раз я услышал в его голосе нотки страха. — Помнишь, ты говорил мне ничего не трогать? Так вот... ты был прав. Не стоило мне ничего трогать!

Блин, Григорий! Не компаньон, а генератор проблем!

Заранее предчувствуя худшее, сунул сумку под стол.

— Ну, что ты там натворил? — почти рыча, вышел я из своего укрытия и замер на месте.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как морщина за морщиной оживает лицо старика, вмурованного в стену. Губы, осыпавшись каменной крошкой, раскрылись и обнажили ряды гранитных зубов. Они проскрежетали друг о друга, породив злоевищий звук. Большие аметистовые глаза сияли энергией и смотрели прямо на Григория.

С рычанием, похожим на рокот камнепада, гигант вырвался из скалы! Куски камня полетели во все стороны, пыль взметнулась тучей, и чудовище сделало первый неуверенный шаг. Вторая нога еще оставалась в скале, но гигант легким усилием выдернул ее. Лопнувшая порода разлетелась широким веером. Один осколок рассек мне бровь, но я даже не почувствовал боли — только тупой удар.

Секунда, и с необычайной прытью каменный страж выскочил из клубов пыли и, присев, наотмашь ударил Григория. Тот только охнул и отлетел в другой конец лаборатории, врезавшись в стену и сломав несколько полок. Его фонарик откатился в сторону, и в темноте я увидел, как сквозь щели в каменной плоти пробиваются полосы голубого света.

— Голем... — восхищенно выдохнул я. — Рабочий голем!

Свет, который я видел, давал магический сердечник — источник энергии этого трехметрового великана. Удивительно, что он смог сохранить запас магии до наших дней! Видимо, был в спящем режиме, а Григорий умудрился его пробудить. Что сказать, у человека явно талант находить себе проблемы. Сначала тот олень в лесу, теперь это...

Единственная сложность: если не добратся до сердечника, то голема не остановить.

Голем вдруг выкинул вперед руку и направил ее на Григория.

«Стрелять собрался!» — мелькнула в голове мысль.

Смерти водителя я допустить не мог. Схватил ближайшую колбу и швырнул в морду монстра. Та звонко разбилась, и голем медленно повернул голову в мою сторону. Оскал ожив-

шего лица выглядел весьма угрожающе. Поднятая рука тоже переместилась в мою сторону, а через миг я бросился на пол. Над головой просвистели маленькие каменные сосульки. С чудовищной силой они вонзались в деревянные полки и стены и крошили пыльные склянки. Меня осыпало каменно-стеклянной крошкой и ворохом щепок.

Пока голем не понял, что промахнулся, я перекатился обратно за каменный стол. Сердце бешено колотилось, а тело бросило в жар. Пол содрогнулся от тяжелой поступи стража. Мой маневр не укрылся от него, и он шел по моим следам. Вот-вот его каменная голова появится над столом.

Задача голема была проста до безобразия: раскатать нас в мясистые блинчики. Потом он вернется на свое место и опять уйдет в режим ожидания. До следующих туповатых гостей.

Но если уничтожить его сердечник... У меня возникла идея!

— Григорий! — крикнул я. — Ты живой?

— Кха-кха... — отозвался водитель, пытаюсь выбраться из груды сломанных досок, старых книг и битого стекла. — Да. Но я не уверен... Кажется, он мне ребра сломал.

— Пистолет! Доставай свой пистолет! — заорал я, чувствуя приближение голема. Пол дрожал от его поступи все сильнее.

— Да разве он поможет?

— Целься в спину, где светится! Пробей дыру до сердечника! Давай! Я выведу его на...

Вдруг со смертельной ясностью я ощутил, что пол больше не дрожит. А еще на меня кто-то пристально смотрел. Поднял голову и увидел над собой два синих глаза голема.

— М-м-мхр-р-р! — не то промычал, не то прогудел монстр.

А затем опустил каменную руку прямо на меня.

В последний миг я кувыркнулся в сторону, подхватив сумку. Сокрушительный удар обрушился на последнее пристанище алхимика и превратил в груды камней.

— Давай! — заорал я.

Вскочил, иссеченный осколками, и оббежал вокруг голема.

Каменный страж развернулся спиной к Григорию и лицом ко мне. Водитель как раз выбрался из кучи обломков, а я как раз оказался зажат в угол. Слева деревянная витрина выдавалась вперед, а справа стояла тумба из камня со шкатулкой сверху.

Голем был сама неотвратимость. Его рука уткнулась мне в грудь. В считанных сантиметрах от меня от камня отделились тонкие каменные пули, готовые пронзить чужую плоть в любую секунду.

Снова на языке металлический привкус смерти, а в жилах кипит и плещется жизнь. Время замедлилось, чувства обострились. Стало вдруг светлее, а полосы голубого света под каменной грудью — ослепительно яркими.

Загрохотали выстрелы. Один за другим, с каменным постукиванием куски свинца врезались в спину гиганта. Я не сомневался, что ровно туда, где камень был тоньше. Но к моему удивлению, монстр не повернулся к новой угрозе, он собирался сперва покончить со мной.

Каменные пули закрутились вокруг своей оси, издавая ужасный вибрирующий звук. Мгновение, и мне конец.

Внутренний голос вдруг заорал: «Давай! Сейчас или никогда!»

Я всегда его слушался в такие моменты.

Нырнул под каменную руку, пропуская сосульки над собой, и оказался позади голема. В одном месте камень раскрошился больше, и открылась небольшая щель, через которую виднелся вращающийся сердечник каменного стража.

Я выхватил из кармана спящую Морвину и что есть сил вонзил в эту щель.

— «Давай!» — мысленно закричал ей в попытке пробудить атманит. — «Поглоти его магию!»

Но ничего не произошло.

Голем резко развернулся и тяжелым ударом руки отправил меня в полет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.